

Владимир
БОЖБИН-ФЕОДОРИТОВ

ПРОУНОВОЖОВ

ДВЛЖВШ

Фантастический
РОМАН

Владимир Божбин-Феодоритов

Броуновское движение

«ЛитРес: Самиздат»

2018

Божбин-Феодоритов В. А.

Броуновское движение / В. А. Божбин-Феодоритов — «ЛитРес: Самиздат», 2018

Броуновское движение, это беспорядочное движение микроскопических частиц. Эффект был открыт в 1827 году Робертом Броуном. Обстоятельства, которые герои романа пытаются преодолеть, заставляют принимать жёсткие решения и приводят мир к гибели. Человечество никогда не договорится действовать сообща, поэтому жизнь протекает в броуновском движении. Даже на пороге катастрофы, каждый преследует свои интересы. Так было, так есть и так будет до самого финала. Но финал - это логически законченное действие, а в принципе броуновского, беспорядочного движения, финалом может быть только одно - конец.

© Божбин-Феодоритов В. А., 2018

© ЛитРес: Самиздат, 2018

Владимир Божбин Феодоритов

«Броуновское движение»

Денеул Инникса

(Собачья Шкура)

Часть первая

«Я – жертва цепи несчастных случайностей,
как и все мы».

Курт Воннегут, «Сирены Титана»

От автора

Простые рассуждения на бытовые темы могут привести к неожиданным философским выводам.

Например.

Перед сном нужно запланировать распорядок на утро.

Вы ставите будильник на семь утра. Просыпаетесь, за час собираетесь на работу и выходите из дома. В восемь к остановке подходит автобус, едет до метро десять минут. На метро вам ехать полчаса. Десять минут ходьбы, две минуты на лифте и вы в офисе. Переоделись, рабочий день начался.

Таким образом, ваше ближайшее будущее запланировано.

А теперь подумайте, сколько факторов вы упустили?

Что будет если: будильник сломался, из-за погоды на дороге пробка, каблук отвалился, вагон переполнен и т.д. и т.п. Список бесконечный.

Если кто-то утверждает, что контролирует ситуацию или прогнозирует будущее – не верьте. Для точного прогноза ни у кого нет нужного количества исходной информации, кроме как у Бога. А он, как известно, не склонен ею делиться.

Поэтому – жизнь продолжается в броуновском движении.

Что делать? – спросите вы. Как избежать неожиданных ситуаций? Даже не неожиданных. Потому что неожиданная ситуация – это когда некуда в туалет сходить в центре города. Это просто неприятность, ерунда, какая-то. А вот как быть с ситуациями роковыми? Ситуациями, которые могут привести к катастрофическим последствиям.

Отвечу просто – никак.

Жизнь коротка, поэтому хочется всего и желательно сразу. К тому же человеческая особь крайне подвержена инстинктам. Разум сдается страстями, а воля часто подавлена отсутствием целей.

Да что тут рассуждать, когда до сих пор самыми быстрыми и надежными способами обогащения считаются война и грабеж. Человек еще настолько дик и туп, что упорядочить его поведение иногда удается только с помощью безапелляционного понятия ВЕРА. Вот ты верь, и тебе за это воздастся. И то, более десяти заповедей вдолбить в толоконные головы не удалось.

Человек начинает думать головой, только получив богатый жизненный опыт. Это примерно после шестидесяти. В это время страсти и инстинкты отходят на второй план и уступают место разуму. Но об этом бесполезно рассуждать, потому что жизнь почти закончена, а старик не может в полной мере использовать накопленные знания. Здоровье, как говорится, не позволяет.

Так было, так есть и так будет до самого финала. Но финал – это завершение, какого-либо упорядоченного процесса, а при броуновском движении его не существует. Поэтому история уходит в бесконечность и остановить этот процесс может только катастрофа, например всемирный потоп.

Если за точку отсчета истории человечества принять понятие «неизвестность», то прямая от этой точки будет называться «хаос».

Вот эта векторная величина – от неизвестности к хаосу – и носит название жизнь.

Пролог

То был самый захватывающий век в истории.

Никогда еще человечество не прогрессировало столь бурно и стремительно, безудержно приближаясь к апокалипсису. Казалось, расцвет цивилизации достиг своего пика.

Андройды и роботы заменили людей в тяжелом производстве. Обретя массу свободного времени, человечество устремилось к самосовершенствованию. К авангарду и классическому искусству добавились сотни голографических и электронных инсталляций. Музыкальные композиции приобрели цвет и запах. Артистов, поэтов и композиторов стало так много, что им приходилось выступать друг перед другом.

Уже следующему поколению (а молодым, как известно, пристало отрицать старое и создавать новое) петь и плясать, как родители, надоело. Ничем не занятые и ничего не умеющие они нашли себя в пороке. Разврат и ханжество, все отрицание и китч достигли своего апогея. Запрещенные наркотики и секты правили неофициальный бал на подмостках городов. Казалось бы, век искусства и порока дарил обществу полную гамму разнообразных, противоположных ощущений. Но никто его не любил, ведь даже сами понятия «любовь» и «хорошие манеры» были не в моде.

Это были годы легкой жизни и трудной смерти. Годы беззаботности и безответственности, за которые человечество вскоре расплатилось кризисом и перенаселенностью.

К тому времени Луна и Марс были уже освоены и заселены. Совершенно непонятно зачем – это были дотационные колонии, к тому же несговорчивые и строптивые. Они хоть и решали проблему перенаселения, но только на первых порах.

В конце концов 30 миллиардов людей, словно саранча, опустошили последние ресурсы родного дома. Нехватка топлива, энергии и продовольствия толкало человечество к краю пропасти. Паника охватила города и сжимала горло населения, словно железные тески.

Новые технологические разработки, призванные решить проблему голода и энергетических запасов продвигались правительствами в первую очередь. Подобные проекты находились под особой опекой, им предавался статус национальных, совершенно секретных исследований.

Несмотря на технологические достижения и приближение всеобщего кризиса человечество, как и тысячелетия назад, было разделено государственными границами, расовыми и религиозными предрассудками, политическим противостоянием. Последним объединяющим центром все еще была Организация Объединенных Наций, являющаяся одним из старейших институтов международной политики. Но потеряв былой статус, исполняла роль мирового информационного центра, пытаясь объединить усилия властолюбивых и жадных политиков в работе над глобальными международными проектами.

Сдерживать голодные бунты предоставили средства массовой информации.

«Только всеобщая космическая экспансия способна решить проблему перенаселения», – сообщали телевизионные и радиоканалы.

«Будущее близко», «Известны координаты Земли номер два» – пестрели заголовками первые полосы газет.

В эфир лилась бесконечная пропаганда о космических экспедициях и новых мирах. Наконец, полуголодные земляне поверили, что они будущие хозяева галактики.

Но тут наука натолкнулась на неразрешимые проблемы. Технологии еще не достигли уровня претворения в жизнь больших космических проектов. То есть собрать на орбите лайнер, разместить один-два миллиона переселенцев на его борту не представлялось трудным, а вот задача создания межгалактического двигателя и топлива к нему стояла очень остро.

Работы над выходом из кризиса велись в нескольких направлениях – это получение новых источников энергии, создание мощного двигателя для преодоления космического пространства и разработка инновационных технологий, способных решить проблему голода.

По строжайшему распоряжению СМИ молчали о том, что на сегодняшний день ни одна из этих проблем не решена.

Достаточно еще одного, небольшого толчка и цивилизацию поглотит хаос.

Мир замер в ожидании.

И как обычно бывает в таких случаях, события не заставили себя долго ждать.

В Анкоридже, штат Аляска, профессор Роджер Порте исследовал эффект беспроводной передачи электроэнергии от одной силовой установки к другой. От перегрузки один из шкафов загорелся. В испуге Р. Порте подумал об огнетушителе и в тот же миг оказался рядом с ним, за сорок метров от пожара. ПОРТация! Фамилия тут же превратилась в глагол. Одна из возможных способностей человека с массой случайных, ничем не подтвержденных фактов. Ученые набросились на эффект ПОРТЕ с жадностью и необузданностью дикарей. И что, собственно, церемониться с таким открытием. Новую способность нужно диагностировать, исследовать и внедрить. Над Роджером Порте трудились лучшие умы. Его просвечивали различными лучами, биотоки мозга анализировали самые мощные компьютеры, биополя фиксировались точнейшими приборами. Чтобы не упустить ничего из всего спектра изучения, были приглашены экстрасенсы, шаманы, колдуны и прочие темные личности, считающие себя парапсихологами. Порте читали заклинания, окуривали пахучими дымами, снабжали оберегами, вертели перед носом энергетическими рамками.

Когда на каждом квадратном сантиметре подопытного Роджера не осталось «белых пятен» комиссия приняла решение о проведении полевых испытаний.

– А что со мной будут делать? – спросил подопытный.

– Ничего особенного, – ответил ему руководитель исследовательской группы, доктор Чарльз Теленк.

– Мы создадим похожие условия и сканируем ваши био– и энергопараметры при перемещении.

– А если эффекта не произойдет, я что, сторю? – испугавшись, спросил Порте.

– Интересный вопрос, – констатировал руководитель. – Судя по предварительным исследованиям, мне казалось, что эффект должен быть достаточно устойчив.

Но Роджер тоже был ученым и как практик экспериментатор, полагающийся на точный расчет, высказал свои глубочайшие сомнения по поводу гарантированного эксперимента. К тому же он был трусоват и в конце дискуссии наотрез отказался от участия в испытаниях.

Тихо и негласно стали набирать подопытных кандидатов с похожими параметрами. Первый же полевой эксперимент провалился. Доброволец бежал изо всех сил к озеру, расположенному в ста метрах от него. Его догонял огненный смерч, с каждой секундой грозивший спалить бежавшего доглат. Идея состояла в том, что если опасность неминуемо достигнет беглеца, то тот усилием воли мгновенно переместится ближе к воде или прямо в нее. Горстку пепла захоронили в горшочке у кромки полигона. После эксперимента труп исследовать не удалось. Ученым это не понравилось. На совещании было решено больше не превращать полигон в крематорий. Но испытуемым, набранным с помощью уговоров, лести и денег, было от этого не легче. Их сбрасывали с вертолета мимо багудов в надежде, что последние скорректируют падение. Сбивали машинами, но те не перемещались. Топили в аквариумах, били электрическим током, травили в газовых камерах – все безрезультатно. Кладбище у кромки полигона росло, испытуемых не осталось. Пресытившись подобного рода экспериментами, вся исследовательская группа ушла в отпуск. Как говорится, взяли тайм аут. Ученые – начитанный и умный народ. Все прекрасно помнили великие слова академика Мстислава Келдыша: «Всякая идея должна созреть!». Созреть отправились на Кубу.

Как это ни странно, через месяц великое высказывание академика оправдало себя. Загорелый и отдохнувший, Чарльз Теленк вернулся со своими помощниками на Аляску, нашел Роджера Порте и громко заявил:

– Я все знаю! И на этот раз вам не отвертеться, дорогой коллега!

Роджер открыл было рот, но доктор опередил его:

– Стопроцентная гарантия, вот мои теоретические расчеты. К тому же, выбора нет, вы у нас остались единственный!

Понурился, Порте углубился в изучение бумаг.

И вот настал день, который изменит мир, день с которого начнется отсчет новой цивилизации.

Порте поместили в большую стеклянную комнату, разделенную пополам непрозрачной перегородкой. Его собирались напугать – другой шпаргалки не знали. Хотя Роджер и читал расчеты Теленка, но сути эксперимента он не знал и поэтому нервничал. Профессор восседал на большом балконе во главе группы ученых, окруженных регистрирующими приборами, датчиками и видеокамерами, сверху руководя экспериментом. Посмеиваясь и тихо переговариваясь с ассистентками, он подмигнул Роджеру Порте, обратившему недоуменный взгляд на балкон. Все было готово. Взмах руки, и перегородка, разделяющая стеклянную комнату, открылась. И – о, ужас!!! Испытуемый оказался в серпентарии. Змеи различных окрасок и видов, шипя и извиваясь, неумолимо приближались. Роджер, с глазами навыкате, развернулся и бешено заколотил по небьющемуся стеклу. И тут же оказался за пределами опасности. С выпрыгивающим из груди сердцем он смотрел на змей по ту стороны стекла. Ревущая от восторга толпа подхватила Порте на руки и начала качать, не опуская, перенесла его из лаборатории на поляну и устроила пикник в честь гениального профессора и его удачливого испытуемого. Как всегда бывает в таких случаях, одному из сотрудников пришлось в голову назвать эффект ТЕЛЕПОРТАЦИЕЙ! В честь Чарльза Теленка и Роджера Порте. Позже, на конференциях, в теле- и радиовыступлениях объяснили подробности новых возможностей человека. Оказывается, что мозг человека не может самостоятельно генерировать достаточно энергии для мгновенного перемещения, в этом ему помогает силовая установка находящаяся рядом, которую назвали просто ЛИФТ. Вот как бывает – один неучтенный фактор породил целое кладбище на испытательном полигоне, но об этом уже никто не помнил. Все упивались вновь открывшимися перспективами. Человечество не меняется с годами.

Известность и слава опьяняют. Алчные Теленк и Порте продали патенты на производство лифтов всем странам и любым пожелавшим предпринимателям, способным заплатить. Самые мощные лифтовые установки перемещали пользователя на одну тысячу километров. Некому было остановить, подумать, проанализировать ситуацию, она вышла из-под контроля.

Землю опутала лифтовая сеть.

Границы рухнули.

Авиа- и автомобильная промышленность обанкротились. Средства связи стали не нужны. Такие важные в недалеком прошлом дороги пришли в запустение. Преступность разгуливала по планете семимильными шагами. Болезни распространялись с космической скоростью.

Под строжайшим контролем государств и армейской охраны оставались грузовые перевозки. Переместить с человеком через лифт можно было только небольшие предметы.

Но армия не справлялась с задачей конвоирования, и поставки срывались все чаще и чаще.

Экономические связи рухнули. Разразилась планетарная война за жизненно необходимые продукты питания и энергетические запасы. Превратив в пепел часть Северной Америки, Евразии и Китая – опомнились. Чтобы предотвратить побоище, страны объединились по континентальному признаку. Линии фронтов прошли по океанам. Острова считались нейтральной территорией.

Колонии Луна и Марс потребовали самоопределения и независимости. Колонисты думали, что, предъявив ультиматум, наладят поставки. Но земляне бросили их, как ненужную

обузу. Люди, недавно уверенные в том, что они хозяева галактики, были в панике. О будущем уже ни кто не думал. Все просто выживали, ежедневно, ежечасно.

Вот тут-то и начинается история человека, который впоследствии предложит человечеству выбор – жизнь или смерть.

1

Хоть снег и сошел, земля была еще холодной. Многолетнюю мерзлоту мягкой перинной покрывали прошлогодние листья и ранний мох, так что лежать было тепло. Река Уда неторопливо несла свои воды, впадая в Удскую губу Охотского моря. Денеул вглядывался в заросли ельника, прятавшегося за огромными валунами соседней сопки. Можно было использовать электронный бинокль, но видимость была хорошая, утренний туман, наполнявший тайгу душистым лесным запахом, уже сошел. Капельки росы светились в лучах солнца, вспыхивая и гаснув при порывах легкого ветерка.

Это были места, как говорится, не тронутые цивилизацией. Вечная мерзлота не давала урожая, добыча нефти и газа велась за многие сотни километров. Единственным населенным пунктом был городок Чумикан в восьмидесяти километрах от реки Уда на морском побережье. Лифтовой установки там не было, видимо из-за малонаселенности. Пять улиц, около ста домов и одно секретное предприятие «Объект-44», на которое все необходимое доставляли морем. Жизнь бурлила в районах телепортационных лифтов, поэтому держать секретные объекты подальше от силовых установок считалось надежным способом сохранения тайны. Вдали от новых технологий и бешеного ритма жители Чумикана никуда не торопились, сохраняя старый уклад. Даже герб города свидетельствовал о нежелании горожан изменять жизнь, на нем, как и в восемнадцатом веке, красовался оскалившийся бурый медведь с высунутым из пасти красным языком.

По расчетам Денеула сидеть в засаде оставалось недолго. Косули, прикормленные им неделю назад, вот-вот должны были появиться. Капля терпения, и он подстрелит животное из игольчатого многозарядного бесшумного ружья. Денеул, как и его сородичи, Дальневосточные Нивхи, не любил шумной охоты. Напуганное животное долго не возвращается в свой ареал обитания.

Денеул Инникса, что на языке эвенков означает Собачья Шкура, характером пошел в мать, тихую эвенскую женщину, всю жизнь прожившую в тайге и там же повстречавшую его отца, русского горняка, пробиравшегося к морю от заброшенных рудников. Детей от таких смешанных союзов называли Нивхами, но имена давали эвенские. Его мать подолгу любила слушать тайгу, предсказывала миграции оленей и косуль, зимой безошибочно определяла медвежьи берлоги. Часто внимая камланию шамана, впадая в сонный экстаз от звучания бубна и колокольчиков, разговаривала с деревьями, с огнем в костре, кипящей водой в котелке и с душистыми травами. Дени, как звала в детстве его мать, считал, что это древние предрассудки. Однако с годами чувства его обострились. На охоте, пробираясь в чащобе смешанного леса, он чувствовал окружающую его жизнь, каким-то внутренним, собачьим чутьем. Неподалеку белка спустилась с сосны на землю, а в другой стороне лисица ищет след мыши.

Вот и сейчас Инникса ощутил присутствие косули.

Ни один куст не шелохнулся, ни одна ветка не треснула.

Она там, на сопке, точно в том месте, где он оставил прикорм. На поляну вышли сразу несколько особей. Стрелять было нельзя. Убьешь одну, остальные разбегутся, и на это место больше не придут, а место хорошее, тихое и удобное. Убить нужно одно животное, не испугав остальных. Денеул мысленно потянулся к крайней косуле и позвал ее, повторяя про себя шаманские песнопения. Он представил себе, что животное проходит через валуны на поляну полную зерна и соляных камней. Открыв глаза и увидев косулю, зашедшую за валуны, он мыс-

ленно поблагодарил мать, от которой унаследовал невиданные способности. Теперь оставалось выстрелить, что при современной оптике не составляло труда. Игольчатое ружье бесшумно подкосило животное. Остальные ничего не заметили и продолжали мирно пастись.

Три белки и одна косуля – вот с таким товаром Денеул направился в Чумикан. В городке, и особенно на заводе, ценили натуральные шкуры и свежее мясо. Хоть Инниксу и называли Собачьей Шкурой, дикарем он не был. Доступные и нужные новинки цивилизации он применял охотно и умело. Носил он куртку из натуральной медвежьей шкуры, снабжена она была герметичными застежками и внутренним кондиционером, а в карманах лежало навигационное оборудование. Ботинки с подогревом, лисья шапка, электронный бинокль, игольчатое ружье да нож – вот и все снаряжение. Документов он никогда не носил. Да и зачем в лесу? А в окрестностях его и так знали.

До города было довольно далеко, а с косулей еще и тяжело, но Денеул хотел продать трофеи еще до заката. Всегда выручали река и лодка. Мощный мотор-водомер нравился охотнику, к тому же отвечал его характеру – громко не тархтел. Лодка была плоскодонная, из прочного яркого, тонкого пластика, поэтому, ударяясь о волны, издавала некое подобие барабанного боя. Чтобы не греметь на всю тайгу, Денеулу приходилось выкладывать дно связанными в снопы тонкими ветками, а борта, чтобы яркий пластик не играл на солнце, были сплошь покрыты корой сосны и скорлупой от орехов. Держалось все это на водонепроницаемом клее. Так что при виде Инниксы в куртке из шкуры медведя, лисей шапке и в лодке, напоминающей чудовище, все говорили: «Собачья Шкура пожаловал».

Охотник был физически сильный, но по характеру спокойный и рассудительный. Денеула уважали за доброту и побаивались за безошибочное умение распознавать ложь. В Чумикане знали – обмануть Собачью Шкуру невозможно.

Вот такой живописный он и предстал перед горожанами, охраной и рабочими на пропускном пункте завода, с косулей на плечах и белками на поясе. Его лодка осталась у причала в небольшом порту, рядом с быстроходным военным судном. Судя по работе береговых кранов и сновавших по трапу андроидов, корабль готовился к отправке в рейс. «Титан» – звучное название корабля блестело на солнце отполированными буквами. Знакомая картина несколько не удивила охотника. Денеул был здесь частым гостем, все его знали, приветливо кивали и пожимали руку. Сегодня он приехал с заказом к начальнику смены охранников и старшему связисту. Дежурные были предупреждены, поэтому пропустили охотника без лишних проволок и вопросов. Он мог свободно передвигаться по территории завода, его не сопровождали

– Что, Собачья Шкура? – посмеивались охранники. – Он – охотник, дикарь, да и только.

Они были правы в одном, Инниксу действительно никогда не интересовала продукция секретного объекта.

Пройдя во внутренний двор, окруженный внушительным бетонным забором с колючей проволокой наверху, Денеул направился к массивным стальным воротам, ведущим в огромную пещеру, выдолбленную прямо в скале. Первозданная природа и современные материалы поражали контрастом. Круглые ворота светились отполированной легированной сталью в лучах заходящего солнца. Пещера была сквозная, заканчивающаяся с другой стороны горы такими же воротами, выходившими в город.

«Сезам откройся», – подумал Денеул, и стальная громадина вдруг, как створка сказочного сезама, медленно раскрылась. Навстречу ему вышел Гордон Корбо – лейтенант службы безопасности. За ним по рельсам в сторону причала медленно выкатилась платформа, управляемая роботом, груженная огромными стальными ящиками, сопровождаемая инженерами и андроидами. Во главе процессии шел академик Эйз Горн в костюме автономного жизнеобеспечения. Узнав друг друга, Инникса и Горн поздоровались.

Лейтенант Корбо и академик Горн нравились Инниксе, вместе они частенько охотились и рыбачили. Это была дружба совершенно разных мужчин, но им было не скучно вместе.

Во время их совместных вылазок академик говорил о перспективах человечества, лейтенант любил обсуждать военное положение, а охотник с упоением рассказывал о природе родного края.

Проводив взглядом процессию, направлявшуюся к причалу, Денеул положил коосулю на землю. Заходящее солнце отражалось от полированных ворот и слепило глаза. Расправив затекшие плечи, приложив ладонь к глазам в виде козырька, прищурившись, охотник смотрел на подходившего Гордона.

– Здравствуй, бравая начальника, – улыбаясь, приветствовал он друга.

Разница в одежде была настолько разительна, что можно было подумать о неандертальце, встречающимся с космонавтом. Металлизированный костюм лейтенанта, тепловой излучатель на поясе, накладные усилители суставов, шлем с радаром, прикрепленные за спиной генератор силового поля и запасной боекомплект, все это мало гармонировало с прибрежным ландшафтом и одеянием Денеула.

– Наверно чувство юмора передалось тебе с молоком предков, – отвечал улыбающийся Гордон.

– Так эвенки приветствовали землепроходцев, осваивавших эту землю многие столетия назад, теперь это звучит как анекдот.

– Да, дикие края со своими вечно невырастающими детьми, – отвечая на рукопожатие, констатировал Гордон.

– Хоть жизнь и течет здесь медленно, но дети выросли, их приняла цивилизация, и они растворились в ней.

– Только не ты, друг мой.

– Я – веточка мха в бескрайнем лесу, – философски отвечал охотник.

– Спасибо за коосулю, – благодарил лейтенант. – Я бы сам, да служба. Повышенные меры безопасности. Сегодня внезапно груз отправляем. Раньше графика.

– Я еще для Меды Лейн белок принес, она здесь?

– Да, ей сообщили, скоро выйдет твой связист.

– Она не мой связист, а ваш. Она мой заказчик

– Ничего себе, такой стройный, красивый заказчик, а? – подмигнул Гордон. – Вот она, легка на помине.

Мужчины оглянулись. Молодая женщина прошла через полузакрытые створки и поспешила к причалу. Ее быстрая, грациозная походка, тонкий стан, правильные черты лица и иссиня черные волосы всегда обращали на себя внимание. Строгий взгляд, устремленный на корабль, говорил, что она торопится и чем-то озабочена.

Заметив стоящих неподалеку двух друзей, она отмахнулась, и не сбавляя шаг, прошла мимо, некогда мол.

Солнце стало отражаться от круглых, до зеркального блеска отполированных ворот все ярче и ярче. Наконец, от света начало нестерпимо резать глаза. И вдруг горная пещера выплеснула столб огня. Взорвалась, будто идущая на взлет ракетная дюза. Легированная сталь, сорванная с петель, пронеслась по площадке и, как лезвие, срезала половину пропускного пункта. Раскаленный смерч пронесся возле Инниксы и Корбо, опаяя лица дыханием смерти. Стой они напротив выхода, их бы уже не было в живых. Густой дым повалил сразу же после взрыва, не оставляя надежды выжившим на спасение из лабиринтов завода.

Гордон, профессиональный военный, опомнился первым. Схватил Денеула за плечи и увлек за собой к воде, в более безопасное место. Добежав до прибрежной полосы, они остановились и залегли между бревнами, выброшенными на берег прибоем.

– Что это, авария? – тяжело дыша, спросил Инникса.

– Похоже на нападение, – откашливаясь, ответил лейтенант.

– Почему же тогда не было слышно шума подлетающих ракет?

– Наверно, напали со стороны города и выжгли весь завод насквозь к морю, – предположил Гордон.

Шло время. Друзья молча лежали в укрытии и наблюдали. Стояла странная тишина, нарушаемая только треском догорающих головешек, выброшенных из пещеры.

– Если это захват, то где захватчики? – охотник посмотрел в бинокль на гору, дымящийся, черный провал, искореженный забор и разрушенный пропускной пункт.

– Логично, а?

Никакого движения не было.

– А кто тебе сказал, что должны что-то захватить, может целью является уничтожение объекта? – смотря в ту же сторону, парировал лейтенант охраны.

Ситуация не развивалась. Все как будто застыло на месте.

Гордон откинулся на спину и стал рассуждать вслух:

– Последнюю изготовленную продукцию сегодня загрузили на корабль. Если цель – уничтожение завода, то это бессмысленно, все разработки уже на «Титане».

И вдруг он воскликнул:

– Эйз Горн в опасности, академик на причале, скорей к кораблю!

Солнце зашло за горизонт, когда Денеул и Гордон добрались до трапа. Корабль обслуживали моряки-андроиды. Управляя роботами, они спешно загружали в трюмы оборудование. Часть андроидов несло караул, охраняя подходы к судну.

– Будь ты один, тебя бы подстрелили, – сказал лейтенант, ступая на борт.

– Можно подумать тебя узнали, – ответил охотник, разглядывая черную от грязи и пепла форму военного.

– Нет, просто у меня опознавательный радар в шлеме, его рабочую частоту и мое местоположение может опознать только корабельное навигационное оборудование. Впрочем, если бы корабль был вне поля зрения, я его тоже смог бы найти по радару.

Друзья поднялись в рубку.

– Это все?! – глядя на них, воскликнул академик Горн. – Больше никто не выжил?

– Не уверен, сэр, – по военному ответил Гордон. – Мы пробирались вдоль береговой линии.

– Ждем, – задумавшись, сказал Горн. – Может еще кто подойдет. А вы, лейтенант, займитесь охраной, расставьте андроидов на посты, обеспечьте круговое наблюдение и связь. Выдайте опознавательный радар Денеулу, его бинокль будет не лишним.

Стемнело. Звездное небо разрывали редкие тучи, еще обозначенные бледно красным закатом.

Инникса стоял на самой высокой мачте. В электронный бинокль усиленный прибором ночного видения был хорошо виден почерневший и раскрошенный по бокам взорванный вход. Дым почти перестал валить, что подтверждало гипотезу Корбо о сквозном ударе. Сквозняк выдувал остатки пожарища. Вдруг появилась черная фигура, затем вторая, третья. Они двигались из чрева горы, рассыпаясь в цепь. Денеул мягко скользнул по канатам и в два прыжка оказался в капитанской рубке.

– Люди в комбинезонах вышли из шахты горы и построились в цепь, – доложил он Эйзу Горну, волей обстоятельств оказавшемуся главным на корабле. Был еще и капитан, но стратегию и тактику определял академик.

Вглядевшись в мониторы, Эйз с сожалением проговорил:

– Это не спасатели, их не идентифицирует радар. Это прочесывание, – затем, развернувшись к присутствующим, добавил, – преследование началось. Капитан, двигатели не включать, отходим немедленно с отливом, все огни выключить.

– Да они и так выключены, – попытался вставить слово капитан.

– А это что? – Эйз указал пальцем на настольную лампу, освещавшую одну из приборных досок.

Вахтенный тут же нажал на тумблер выключателя.

– На борту едва ли половина команды, – капитан надеялся по возможности задержать судно. – А вдруг еще кто-нибудь, выжил?

– У нас нет выбора. По местам, и тихо. Если что-то упадет на железную палубу корабля, нас выследят геофоном.

Все разошлись в полном молчании. Счет шел на минуты. Спасение теперь зависело от интенсивности отлива.

Все дальше и дальше «Титан» отходил в открытое море. Стоя на корме, Денеул напряженно всматривался в край береговой линии. Тихое мерное постукивание по борту мгновенно привлекло его внимание. Подбежав к правому борту, охотник заглянул вниз, держась за перила. Нельзя было включать фонарь, поэтому в воде можно было разглядеть только серое очертание лодки.

– Эй, на борту, принимай, – раздался тихий женский голос.

Денеул узнал его, это звала Меда Лейн, связист с «Объекта-44». Ни слова не говоря, охотник кинул канат вниз. Тот натянулся и начал дергаться. Чувствовалось, что по нему взбираются. За перила ухватились руки, и Денеул помог женщине вскарабкаться на борт.

– А, Собачья Шкура, – узнав, сказала Меда. Охотнику это не понравилось, но он промолчал. Не время выяснять отношения.

– Я на твоей лодке, привязала ее к канату, который ты бросил.

Даже в темноте было видно, что женщина устала, но ведет себя настороженно.

– Позже поднимем ее на палубу, – ответил Денеул. – Пойдем к капитану.

В каюте капитана собрались все, кто спасся. Андроиды несли вахту, они были не в счет. Искусственно выращенные и вступающие в жизнь зрелыми особями, они были лишены опыта. Поэтому решения принимали люди. А их на борту было пятеро. Академик, капитан, лейтенант, связист и охотник.

Когда Меда промочила горло предложенной водой и села в кресло, Эйз Горн решил, что настало время вопросов:

– Как вам удалось вырваться?

Вопрос относился к Mede.

– А я и не вырывалась, я была на берегу, Собачья Шкура меня вызвал.

– Да, я принес ей белок, – подтвердил Денеул.

О том, что Лейн прошла мимо, и белки до сих пор висят на поясе, охотник не упомянул. Может быть, у нее было неотложное дело? Перед глазами всплыл напряженный взгляд Mede и ее быстрая походка в сторону причала. Холодок сомнения коснулся Денеула и...

– С «Титана» мне доставили новые шифры связи, нужно было их забрать, и тут случилось... – прижав ладони к лицу и растирая его, снимая усталость, произнесла Меда.

– Потом побежала к объекту, там никого, к причалу – «Титан» отвалил.

– Как узнала? – поинтересовался капитан.

– Радар подсказал, я все-таки связист, и радар всегда со мной. А тут вижу, лодка охотника, я и воспользовалась.

– Хорошо хоть жива, – констатировал Горн. – Ладно, иди отдыхай.

Отлив и ночной бриз отгоняли корабль все дальше и дальше. Тьма поглотила и береговую линию и облака, оставив лишь редкие звезды.

Когда Меда ушла, академик подвел итог:

– Итак, трое спаслись.

– А капитан, а Инникса? – спросил Гордон.

– Да, капитан Кейн Трамп, – академик указал на высокого блондина средних лет, – Извините, не было возможности вас представить.

– Ничего, – отозвался тот.

– Капитан принадлежит к военному министерству, а не к министерству секретных научных разработок. А я говорил о сотрудниках «Объекта-44». Еще на борту Денеул, вольный стрелок.

– Рука судьбы, а Денеул? – академик подмигнул, подбадривая Инниксу.

Повернувшись к окну и скрестив руки на груди, Эйз Горн продолжал:

– Дело серьезное, я буду проводить расследование.

– Вы думаете, что это нападение дело рук предателя, – спросил Гордон.

– Да! – резко повернувшись к присутствующим, воскликнул академик.

– Вы понимаете, какой важности объект потерян? – потом, подумав, добавил, – если предатель мертв, то это просто пешка. Но если жив, то еще более опасен. И он один из нас.

Все переглянулись.

– Капитан, – продолжил академик, – на связь не выходить. Каюту связи закрыть, ключи пусть будут лично у вас.

– Но, тогда мы не сможем вызвать военный конвой, – засомневался Трамп.

– Вы не обладаете всей информацией, капитан, – парировал Горн. – Могу сказать одно. На карту поставлено куда больше, чем наши жизни. Мы тихо будем выбираться, в полном одиночестве, не привлекая внимания.

Мы исчезнем для всех.

2

Ежегодная «Ароматная ярмарка» проводилась по традиции в Вашингтоне. West potomac парк утопал в цветах. Выбор места для ярмарки объяснялся не только большим пространством, но и установленным здесь мощным силовым лифтом. Площадка вокруг него была столь велика, что лифт мог обслуживать до тысячи прибывающих и отбывающих туристов в минуту. Телепортирующийся исчезал мгновенно, образовавшуюся пустоту занимал воздух. Эффект сопровождался негромким хлопком. Интерес к ярмарке был столь велик, что поток зевак не иссякал вот уже десятый день. Пятьсот павильонов и оранжерей соединяли узорчатые переходы из цветов. Ковры и картины, клумбы и домики, мебель и украшения для модниц – все было сделано из цветов и зелени. Различные ароматические продукты, выполненные на основе цветочных масел, создавали причудливую мозаику запахов, оправдывая название «Ароматная ярмарка».

Главный аттракцион представлял собой голографическую инсталляцию купающихся русалок в водопаде из цветочных лепестков. Над ними кружили маленькие нимфы, играющие на арфах. Неожиданно появлялся кентавр, распугивая нимф и пленяя русалок. Через мгновение под радостные возгласы зрителей выходил Геракл. Повергал кентавра, освобождал русалок и во плоти спускался к восторженной публике. Героя можно было потрогать руками, взять у него автограф, поболтать с ним. Было не понятно, как живой человек попадал в голографическое действие. А может, все остальные тоже живые? Предполагали, что кентавр – это андроид и однажды он тоже выйдет к зрителям. Женщины ахали, дети визжали от удовольствия. Таким образом, создавалась интрига.

Шор Кана, полковника разведки лиги государств континентальной Америки это не интересовало. Проходя мимо аттракциона, он даже не взглянул на сцену. Обогнув павильон и толкнув дверь с табличкой «Для персонала» он оказался с обратной стороны популярной голографической инсталляции.

– Они исчезли, – не здороваясь, сказал Шор Канн человеку, сидевшему в кресле.

– Как исчезли? – подпрыгнув, провизжал генерал объединенного штаба контрразведки лиги Пелео де Гримальди.

Ответа не последовало.

– Вы молчите, как будто полный провал был ожидаемым результатом, – откашлявшись, продолжил генерал.

– Вы понимаете, что это война? Если восточные узнают, что это мы, конфликт неизбежен. В этой критической ситуации мы же еще и потерпели неудачу.

Немного успокоившись, Пелео продолжил:

– Прошу дать отчет.

Заложив руки за спину и не спеша прогуливаясь по темному залу, Шор Кан обратился к генералу:

– Скажите мне, Пелео, как я могу точно планировать операцию, когда не знаю всех действующих лиц и желаемого конечного результата.

Гримальди только хмыкнул и отвернулся.

– Генерал, – продолжал Шор Кан, – вы могли бы мне больше доверять. Я не слепое орудие в ваших руках, как вы это себе представляете. Если бы не мои люди, вам бы вообще не удалось выйти на объект. Операция прошла на редкость гладко. Следов нашего присутствия никаких. Потерь никаких.

– Результатов тоже никаких, – огрызнулся генерал.

– Просто мы ударили поздно. Точнее, позже всего на несколько часов. Следовательно, в наших рядах утечка информации. И утечка эта из вашего ведомства.

Вскочив с кресла, раздраженный Пелео погрозил пальцем полковнику:

– Голословные обвинения называются клеветой!

– Я знаю, о чем говорю генерал. Подразделения моей юрисдикции узнали о начале операции только во время полета. Цель никому не известна, а дальнейшие инструкции они получили бы на месте от моего агента.

Кан подошел вплотную к Гримальди и тихо шептал:

– Пропавший груз придется отыскать. Чтобы не было еще одного провала, скажите, кто задействован, кто информирован? Мы просто его исключим из числа посвященных.

– Да, но это невозможно, – отвечал генерал столь же тихо, – только с помощью этого человека мы можем найти груз.

– Так кто он, генерал?

Гримальди колебался, что-то обдумывая. Но все же, наконец, решился:

– Это Василиск Погостини, – затем, помедлив, добавил, – он и вывел нас к тематическим разработкам Восточного альянса.

– Нас – это кого? – настойчиво спросил полковник.

– Нас, это штаб западных объединенных сил. Но информацией владеют только четверо. Василиск, я, начальник штаба Янг Пиглз. Каждый знает часть информации. Василиск – тему разработок. Пиглз – группу ученых. Я занимался «Объектом-44». На этапе силовых действий решено было подключить вас.

За сценой раздались оглушительные аплодисменты. Видимо, Геракл опять победил кентавра. Пелео де Гримальди пошел к зеркально перевернутому голографическому образу и, перекрикивая толпу, заявил:

– Вот, теперь вы все знаете! Вам не удастся никого исключить из списка посвященных, всего никто не знает!

Повернувшись к полковнику, генерал увидел дуло игольчатого пистолета, нацеленного ему в лоб.

Прищуренные глаза и кривая улыбка Шора Кана были зловещи:

– «Объект-44» – отыгранная комбинация, генерал. А список, как вы выразились, посвященных, нужно сокращать. Если я не избавлюсь от вас, то вы уберете меня.

Шор Кан нажал на спусковой крючок, не дав генералу ничего сказать в ответ. Вид распростертого тела ни сколько не смутил бывалого полковника. Кан уселся в кресло и закурил. За долгие годы службы у него было много операций, случались и провалы, но все это была мелочь, не стоящая внимания. Он почувствовал, что, наконец, удача улыбается ему. Единственная нить к пропавшему грузу была у него в руках. Шор Кан не собирался продавать информацию, он собирался стать партнером Василиска Погостини.

Воодушевленный открывающимися перспективами полковник вышел на улицу прямо сквозь голографический экран. Женщина в толпе зрителей спросила:

- Вы видели русалок? Они настоящие?
- Не знаю, – ответил улыбающийся Шор.
- А можно мне зайти?
- Попробуйте.

Очередной шаг полковнику был ясен: нужно срочно перебраться в Нью-Йорк.

Идя к лифту, он купил у лоточника мороженое в форме розы и с аппетитом ел, разглядывая красоту цветочного рынка. Женский визг со стороны голографического аттракциона его не взволновал. Труп обнаружили. Свидетели из толпы указывали в его сторону. Кан сделался подозреваемым. Он не оглянулся даже тогда, когда полицейские его окликнули. Шор Кан был опытным оперативником. Он все рассчитал.

- Стой, – полиция уже двигалась по направлению к нему. – Стой, стрелять будем!

Полковник спокойно выбросил обертку от мороженого в урну, как будто эта угроза его не касалась.

Предупредительный выстрел в воздух означал, что преследователи перешли с шага на бег.

Полковник сорвал фиолетовую орхидею и прикрепил к лацкану пиджака.

– Дилетанты, – сказал подозреваемый, переступая линию действия силового генератора. Хлопок воздуха возвестил о его исчезновении.

Преодолев 230 километров за сотую долю секунды, Шор Кан материализовался на Манхэттене, прямо напротив штаб-квартиры Организации Объединенных Наций возле другого, менее мощного силового лифта. Только в Вашингтоне и Нью-Йорке около двух тысяч площадок по перемещению, не считая частных. Мечта любого правонарушителя.

– Отдыхайте, – закончил полковник, начатую в Вашингтоне фразу, обращенную к преследовавшим его полицейским.

Здание ООН множество раз перестраивалось и, наконец, обрело формы гигантского небоскреба. Издалека оно выглядело, как сдвоенная сосулька, теряющаяся в облаках. Вблизи это было обыкновенное сооружение с бесчисленным количеством окон и с прикрепленными фермами дополнительного оборудования. Средства связи со спутниками и со всем миром занимали верхние этажи, внизу располагались отделы различных подразделений. Это был самый мощный информационный центр на планете.

Проходя в обширный вестибюль здания, Шор Кан понимал всю сложность установления контакта с Василиском.

Итак, Василиск Погостини – американец греческого происхождения, начальник департамента сбора информации и пропаганды ООН. Он же стоит между материками, владея информацией и пользуясь покровительством враждующих союзов. Контролирует политические настроения конфронтационных правительств и держит руку на пульсе мятежного населения. Один из самых влиятельных людей в мире.

Робот-охранник проверил полковника электронными датчиками и пропустил, невзирая на пистолет. В холле можно было находиться с оружием. Возле силовых лифтов, обслуживающих здание, пистолет нужно сдавать в камеру хранения.

«Робот охранник, прошлый век, – подумал Шор Кан, – везде применяют андроидов. Впрочем, умно, робота не подкупить, не запугать. Стоит тут, без перерыва, эдакий, железный болван, напичканный аппаратурой слежения и оружием».

Уже подходя к справочному терминалу, он спохватился, но было поздно. Набирая на клавиатуре слово Погостини, Кан анализировал, как выпутаться из ситуации.

«Меня засекли, – лихорадочно соображал разведчик, – видео, наверняка, через минуту будет у Василиска. Это ведь центр информации. Сопоставив время убийства на ярмарке и мой приход сюда можно сделать вывод о моей причастности».

На экране вспыхнул ответ на запрос: девяностый этаж, офис Василиска Погостини.

«Нужно уходить, сейчас я ничего не могу предложить этому греку. А он может упечь меня совершенно официально», – развернувшись, полковник быстрым шагом пересекал вестибюль, направляясь к выходу. Он был в середине зала, когда робот перекрыл выход, захлопнув стеклянные пуленепробиваемые двери. На пиджаке полковника появилось красное пятно, след от лазерного прицела. Робот охранник держал его на мушке. Сзади подошел андроид с лицом небесно-голубого цвета и вежливо пригласил пройти с ним.

Сдав пистолет и материализовавшись на девяностом этаже, Шор Кан шел за андроидом по длинному коридору, стены которого были увешаны старинными картинами, по бокам на подставках стояли антикварные вазы, люстры причудливой формы отливали разноцветными огнями, преломляя лучи сквозь призматические грани. Дубовая резная дверь со скрипом открылась, андроид остановился, пропуская полковника. Василиск Погостини сидел за столом из полированного ореха в большом кабинете. С многочисленных экранов передавался репортаж об убийстве генерала Гримальди. В центре кабинета находился единственный стул. Чтобы не показывать волнения, Шор сел без приглашения. Округлое и слегка смуглое лицо Василиска светилось загадочной улыбкой. Он молча смотрел на полковника, и казалось, не собирался начинать разговор первым. Шор Кан тоже не спешил. Пауза давала ему время на размышление. Они молча сидели, смотря друг на друга. Репортаж закончился. Экраны погасли.

– Шикарная обстановка, – заметил полковник, пытаюсь прощупать ситуацию.

– Обратили внимание, что вас не упомянули в новостях, – не отвечая на уловку, констатировал грек.

– Вы собираетесь это исправить?

– Это зависит от того, что у вас есть для меня. А у вас точно что-то есть, иначе вы бы не пришли.

– Два вопроса, сэр, – подумав, ответил полковник. – Какие гарантии моей безопасности вы можете предоставить в случае нахождения и передачи груза? И доля в прибылях?

– Смею вас успокоить, Шор, – Погостини откинулся на спинку кресла, – вы и сейчас в безопасности. Никто ведь не знает, что вы убрали генерала. После доставки груза вы будете мне еще нужней. Нас с вами ждет долгое сотрудничество. Что же касается доли...

Медиамагнат сложил ладони на затылке и посмотрел в потолок, высчитывая в уме.

– Один процент.

Недоуменное выражения лица Шор Кана говорило о том, что полковник не понял ничего.

– Это десятизначная цифра, – успокоил его Погостини.

Грек наклонился в сторону полковника.

– Теперь о деле. Груз – это всего лишь несколько ящиков. Если вы его не добудете, останется только захватить академика Эйза Горна. Причем живым и в здравом рассудке. Теперь у меня вопрос: как вы это сделаете?

– Просто, дождусь весточки от своего агента. По моим расчетам, он где-то со сбежавшей группой.

– А вы беспокоитесь о своей безопасности, – иронизировал грек. – Да, вас беречь надо.

– За кого вы, Василиск? – напрямую спросил полковник.

– В моей профессии нет политики, только прибыль имеет значение. А политика – это инструмент для ее получения. Так что я бизнесмен, дорогой полковник, бизнесмен. До встречи.

Погостини встал с кресла, подошел к стене с экранами, прошел сквозь них и растворился. Через несколько мгновений вся обстановка исчезла. Шор Кан оказался в огромном пустом помещении, в котором остался стул, на котором он сидел, и лифтовая установка. Голографический интерьер был настолько хорош, что полковник ничего не заподозрил. Только теперь он вспомнил, что ни до чего не дотрагивался. Поэтому обман удался.

3

– Это не иллюзия, а реальная боевая защита. На первый взгляд кажется, что это легко, но не попадись на эту удочку. Обрати внимание, штанины и рукава закатаны. После того как надели комбинезон, их нужно раскатать, штанины пустить поверх сапог, а манжеты спрятать в перчатки, – объяснял Гордон.

– Металлизированный костюм защитит от игольчатого оружия.

Инникса с интересом наблюдал.

– Далее ранец с силовым полем. Вот так, здесь на груди замок для четырех лямок. Кнопка активации посередине замка. Это против теплового ружья.

Взяв из рук охотника каску, лейтенант продолжал урок.

– Шлем – это не только защита, но и радарный передатчик. Ты каким глазом прицеливаешься?

– Правым.

– Значит, оптический щуп направляем на левый. Он сканирует изображение прямо в сетчатку.

– Далее накладные усилители суставов. Это увеличивает подвижность и предохраняет от травм. Мини-гидравлические приводы усиливают движение. Существует еще микрогидравлический костюм, используемый специальными подразделениями. Он очень дорог и не входит в комплектацию групп охраны. Одевай.

– Мне никогда этого не забыть, – сказал Инникса, держа в руках металлизированные, выкрашенные в защитный цвет перчатки.

– Не ленись, это спасет тебе жизнь, – парировал лейтенант.

Погода располагала к физическим упражнениям. К тому же времени было предостаточно. Уже девятый день «Титан» шел в открытом океане. Небо стало, как будто, светлее, вокруг заметно потеплело. Куртки и свитера оставили в каютах, прогуливаясь по палубам в легких одеждах. Расследование академика Горна ничего не дало, у всех оказалось крепкое алиби. Но пронизательный ученый по-прежнему приказывал сохранять радиомолчание. Мало того, местоположение корабля знали только он и капитан корабля Трамп. Остальных неизвестность угнетала. Чего нельзя было сказать про андроидов, исправно несущих вахту и караульную службу. Гордон занимался своими прямыми обязанностями – инструктировал смены и проверял посты. Большинство времени Меда проводила на верхних палубах, подолгу вглядываясь в горизонт. Никто не спрашивал, зачем она это делает. Каждый свое свободное время проводил, как хотел.

– Денеул, – окликнул Кейн Трамп охотника, одетого в усилители суставов и пробегающего мимо него по шкафуту десятиметровыми прыжками. Инникса оглянулся и остановился. Подошвы ботинок оставили на палубе длинный тормозной след.

– Если вы прыгните чуть сильнее, то порыв бокового ветра снесет вас за борт, а идем мы с максимальной скоростью.

– Спасибо за предупреждение, капитан, буду осторожнее, – ответил охотник и, подойдя ближе, добавил, – можно вас попросить?

– Да?

– Разрешите тренировать прыжки в высоту и бег по вертикальным стенам в трюме, он достаточно объемен.

Трамп посмотрел на охотника, сложил руки на груди, шевеля пальцами:

– Пу-пу-пу, – пробурчал губами, подумал и согласился.

– Только капитанская рубка и каюта связи для вас под запретом. В остальном корабль ваш. Но учтите, помещения трюма и машинное отделение охраняются андроидами.

– Вы мне не доверяете, капитан?

– Не я, Эйс Горн, академик не доверяет ни кому. Не забывайте, на подозрении мы все.

Бежать по внутренним вертикальным переборкам трюма было одно удовольствие. Денеул закладывал крутой вираж перед стеной и бежал по вертикали двадцать-тридцать метров. Он не любил находиться в закрытых пространствах, корабль сильно стеснял передвижения привыкшего к просторам охотника. Поэтому физические упражнения приносили ему радость. Как и предупреждал капитан, помещения патрулировали андроиды, перемещаясь от одного угла к другому, от одной водонепроницаемой двери к другой. Даже во внутренних помещениях они не расставались с тепловыми ружьями. В середине отсека стояли обитые железными пластинами ящики, связанные прочной сетью с прикрепленными к ней пустыми баками.

Охотник не сразу заметил Меду, появившуюся в трюме. Она стояла возле ящиков и смотрела, как он стремительно бежит по стене.

– Развлекаешься? – Лейн приветливо махнула рукой бегуну и подозвала его.

– Это отвлекает, – ответил разгоряченный Инникса, инерционно подпрыгивая.

Чтобы можно было разговаривать, пришлось выключить накладные усилители.

– Ден, это ничего, что я тебя так называю?

– Это приятнее, я бы сказал дружелюбнее, чем Собачья Шкура.

– Все еще злишься? Я была на взводе, напугана, не обижайся, – Меда Лейн улыбнулась самой своей чарующей улыбкой. Внутренним чутьем охотник почувствовал, что она хочет помириться. Ее аура была теплой и податливой.

Еще недавно вместе они ходили по тайге, пробирались в чащобе и с безумным упоением катались на лодках по Уде. Рыбалка и охота увлекала обоих. В городах, перегруженных силовыми лифтами, невозможно ощутить просторов первозданной природы. Страна, город, дом или квартира были снабжены лифтами. Гиподинамия и ожирение, порок сердца и смерть поражали каждого пятого жителя мегаполисов. А в тайге любой необдуманный шаг, неверное движение заставляли быть осторожными и доверять друг другу. В походах Денеул привык полагаться на академика, лейтенанта и начальника связи. Обычно в тайгу не ходят поодиночке.

«Может я был не прав и зря подозревал ее? А кто тогда не был подозрителен?», – подумал Инникса, а вслух сказал:

– Ничего, скорей бы все закончилось.

– Мир, – Меда протянула ему руку.

– Мир, мир, – рукопожатие начальницы связи было не по-женски крепким. Она обернулась и посмотрела на грудку ящиков, обернутых сетью.

– Тебе не кажется, что из-за этих ящиков мы попали в такой переплет?

– Да не знаю я. Меня это не касается.

Звонок, сопровождавшийся короткими вспышками зеленых ламп с пульта информации, возвестил о сборе на камбузе.

– Обед. Хватит бегать, – Меда, не дожидаясь Денеула, вышла из трюма.

Пообедать можно было в течение двух часов, поэтому охотник не спешил. К тому же после тренировки нужно было привести себя в порядок.

Он вошел в кают-компанию последним, под неодобрительные взгляды присутствующих.

Помещение для приема пищи на корабле служило еще и комнатой отдыха. Голографические стены создавали чувство присутствия на лесной опушке. Пение птиц, запах елей и цветов, журчание речушки – все создавало эффект покоя и расслабления. Картину не портили ни андроид-повар, готовивший на гриле мясо, ни андроид-бармен, смешивающий напитки. Длинный стол посередине, за которым уселись четверо путешественников, представлял бревно, распиленное вдоль. Сидели на пеньках различной высоты, подобранных для каждого присутствующего индивидуально. Капитана Трампа не было, видимо, он нес вахту.

Академик Эйз Горн постучал по бокалу и встал, эффект покоя и умиротворения, исходивший от комнаты был настолько силен, что Горн с трудом сосредоточился:

– Сегодня, на девятый день, мы вспоминаем наших коллег и друзей, которых отняли у нас. Вера в то, что они успели выполнить долг и создать будущее, ни больше, ни меньше, вселяет в меня уверенность в завтрашнем дне человечества.

Все удивленно и непонимающе переглянулись.

– Да, да, прорыв, который совершил наш институт на «Объекте-44», сопоставим с самыми масштабными открытиями человечества. За наших коллег, безвременно погибших.

Присутствующие подняли бокалы. Повар положил горячее мясо на стол. Ели в полном молчании, пока лейтенант Корбо не прервал его:

– Послушайте, академик, перестаньте говорить загадками. Я думаю, что выскажу общее мнение и задам вопрос. Мы не дети, которых нужно оберегать и защищать. В конце концов куда идет «Титан», и когда все это закончится?

– А я оберегаю не вас, – ответил академик, – оберегаю открытие, только и всего. Но если ожидание столь тягостно для вас, буду вынужден раскрыть некоторые секреты.

– Не надо, академик, вы подписываете себе приговор! – прокричал вошедший в кают-компанию капитан Трамп.

Академик снисходительно посмотрел на него:

– Дорогой Кейн, – называть капитана по имени можно было только в дружеской беседе, и то один на один, – мы в нейтральных водах, идем вдоль цепи заброшенных Марианских островов, соблюдаем радиомолчание. И вы знаете, что скоро будем на месте.

Капитан подошел к пульту управления и спешно выключил голографические эффекты релакса:

– Кто поставил релаксацию на максимум?!

Затем встряхнул академика за плечи. Эффект умиротворения и расслабления исчез, как исчезли лесная опушка и речка. Контраст был настолько разителен, что все внутренне подтянулись.

– Вы ученый, а я военный, – продолжал Кейн, – и не позволю ставить под угрозу наш поход!

Академик встряхнул головой, будто очнувшись ото сна:

– Извините, капитан, господа, – ученый откланялся и вышел.

Вечерело. Возле флагштока, на котором не развивался флаг, во избежание визуальной идентификации, слегка наклонившись через перила, стояли Инникса и Корбо. За кормой белой пеной удалялась дорожка, взбиваемая винтами.

– Это я поставил на максимум релакс в кают-компанию, – признался лейтенант.

Охотник, оторвавшись от созерцания горизонта, повернул голову:

– Почему ты этого не сказал при всех?

– Во-первых, я включил прибор еще до общего сбора, во-вторых, я устал и Меда подала хороший совет, в-третьих...

– Меда? – у Денеула опять начали просыпаться подозрения.

– И, в-третьих, – продолжил Гордон, – я рассказываю это тебе, потому что ты нейтрален. Случайный попутчик, понимаешь. Ты можешь оценить события, как бы со стороны, не опираясь на старые данные.

Охотник развернулся лицом в направлении хода «Титана». Мачта и рубка приняли черные очертания на фоне красного заката. Немного помедлив, Денеул ответил другу:

– Я рад, что ты нашел во мне союзника. Но ты прав, я случайный попутчик и не хочу в этом участвовать.

Лейтенант с жаром начал доказывать обратное:

– Ты уже втянут, вольно или не вольно. По прибытии начнется дознание, нас посадят под арест, и это затянется надолго. Даже когда решат, что ты не при чем, все равно тебя не отпустят, потому что ты знаешь академика и видел груз. На воле ты – потенциальная мишень для врага. Я не знаю всего, но дела, по моему мнению, обстоят именно так.

– Значит, выбора нет? – спросил охотник. Затем он в упор посмотрел в глаза лейтенанта и твердым голосом произнес:

– Откровенность за откровенность. У меня нет доказательств, но я знаю кто предатель.

4

– Кто?! Кто сообщил? – резко обернувшись, спросил начальник штаба объединенных сил Янг Пиглз.

– Мой агент вышел на связь минуту назад, сэр! – кричал Шор Кан, потому что шум канонады закладывал уши.

Полковник разведки не скрывал триумфа. Он оказался единственным, кто мог выиграть проваленное дело.

Неподалеку рвались снаряды. Пиглз и Кан стояли на крыше здания, защищенные силовым экраном. Сверху, как на ладони, разворачивались боевые действия. Андроиды Западного альянса шли на штурм огромного ангара объятых дымом и пламенем. Над разрушенным главным входом все еще висела надпись «Bacterium of light» (Бактерия света), Хот-спрингс, Кан-зас».

– Второго прокола нельзя допустить, груз должен быть доставлен, – не отрываясь от бинокля, комментировал услышанное начальник штаба.

– Вы видите, война уже идет. Кстати, а почему вы докладываете непосредственно мне? – подозрительно спросил опытный интриган-штабист.

– После убийства генерала вы – мой непосредственный начальник. Разумеется, пока не назначат другого начальника контрразведки.

– Хорошо. Эту тему курирую лично я, прошу и впредь держать в курсе только меня. Вы ведь знаете, что делу придан совершенно секретный статус.

– Слушаюсь, сэр, – отчеканил Шор Кан, подумав, что очередное звено в лице начальника штаба уже сокращается. Пока у него в руках все козыри, нужно работать на Погостини. На долю же начальника штаба остается санкционирование операции военными и государственными ведомствами.

Очередной взрыв сотряс крышу. Половина горящего здания «Bacterium of light» рухнула. Взрывная волна сбила открытые очаги пламени. Как только пыль немного улеглась, боевые андроиды ринулись в пробитую брешь.

– За мной! – скомандовал начальник штаба, отключил защитный экран и, показывая пример, первым спрыгнул с крыши.

«Высоковато», – посмотрев вниз, подумал полковник.

А Пиглз был уже возле пролома, в первых рядах атакующих. Гидравлический костюм, одетый под форму начальника штаба, с первого взгляда не был замечен, лишь только атлетические движения и ускоренная реакция выдавали экипировку военного. Шор Кан спустился по лестнице и выбежал на площадь. Перестрелка уже велась внутри здания.

Разбитые стекла хрустели под ногами. В воздухе стоял тошнотворный запах обгорелой плоти, резины и химикатов. Шор Кан с игольчатым пистолетом в руках пробирался через завал из разбитых приборов к группе военных, собравшихся в разрушенной лаборатории.

Бой был окончен.

– Вот, – Янг Пиглз держал на ладони семечку и показывал подошедшему полковнику. – Цель нападения эта растительная культура.

Семечка была величиной с ноготь, песочного цвета. Кан взял ее с ладони начальника и поднял к свету, чтобы лучше рассмотреть. Вопрос застыл на его лице.

– Это хлеб, полковник, – Янг достал платок и, стирая с лица копоть, продолжил, – новый вид. Имея тростниковую оболочку, внутри взрослое растение создает микроклимат для жизни шелковых бактерий. Они вырабатывают хлебные споры, в которых и обитают. Ультрафиолет такому растению нужен, но не страшен, жара тем более. Однажды впитав влагу, стебель может удерживать ее до созревания плода.

Заметив удивление Шор Кана, Пиглз шутливо сказал:

– Собственно говоря, весь африканский континент можно превратить в хлебное поле, за которым не нужно ухаживать. Эта культура не боится паразитов, их еще у нее нет.

Пораженный полковник даже забыл, зачем так срочно пришел к начальнику объединенного штаба Пиглзу.

– Дайте сюда, – Янг взял семечку и положил в карман, возвращая Шор Кана к действительности. – Война технологий полковник. Вы как разведчик должны это понимать, как никто.

– Вы хотите сказать, генерал, что я занимаюсь тем же самым?

Вопрос Шор Кана не застал начальника штаба врасплох:

– Не вы, полковник, а мы с вами. Поймите, груз, который вы отследили, это часть схемы выживания человечества. Наш хлеб, ваш груз, биотехнологии восточных, современные космические системы...

– Что за технологии?

– Не все сразу, полковник. Сначала груз, потом информация. Докажите, что вы способны быть полезным и надежным, а потом поговорим о подробностях.

Молодой лейтенант, человек, который командовал захватом здания, подошел к начальнику штаба и доложил:

– Сэр, группа из десяти диверсантов полностью уничтожена. Все андроиды. Идентификации не подлежат.

– Спасибо, лейтенант, эксперты пусть поработают еще. Будем считать, что вы сокрушили врага и заслужили благодарность альянса.

Лейтенант просиял.

– Рапорт о вашем повышении будет представлен в ближайшее время.

«А Пиглз патриотичен», – подумал Шор Кан.

Козырнув по-военному, лейтенант ушел отдавать распоряжения.

Когда Шор Кан и Янг Пиглз остались одни, полковник вопросительно произнес:

– Всего лишь повышение в звании человеку, спасшему от голода человечество?

Проницательный штабист заглянул в глаза Шор Кана:

– Какое человечество? Кто будет хорошо есть? И кому, позвольте вас спросить, вы отдаете будущее?

Шор Кан молчал. Пиглз развивал свою мысль:

– Всеобщая сытость не решает проблем кризиса, а только провоцирует еще больше. Сытая Европа? Африка? Восток? Лишний повод для демографического взрыва. Или процветающая Америка, контролирующая вся и все?

– Пойдемте, полковник, – Пиглз еще не успокоился после боя, его движения были резки и порывисты. – Здесь нам больше делать нечего. А впереди вас ждут дела. Поговорим у меня.

«Рано я списал со счетов этого человека, – думал полковник, – не зная и десятой части его планов. А что я знаю о планах Погостини? Торгаш. Политика для него инструмент наживы. В то время как генерал Пиглз, похоже, фанатик-патриот».

Они вышли из обломков здания и направились к окраине города.

«Можно выстраивать свою игру только тогда, когда мне будут известны все детали. А сейчас пусть штабной думает, что я слепое орудие в его руках, а медиамагнат – что я алчный вояка, готовый продаться за малую толику».

Военное положение в городе еще никто не отменил. Гражданских на улицах не было, перекрестки патрулировали группы солдат. Заметив начальника штаба, командиры блокпостов спешили на доклад.

Выслушав очередной рапорт, генерал обратился к Шор Кану:

– Нет, по дороге обсудить ваш вопрос не удастся. Скажите, вы успели подсчитать процентную вероятность исхода.

– Не успел, – Кан еле успевал за начальником. – Что если прикинуть сейчас?

– Прошу, – на ходу, не оглядываясь, предложил Янг.

На окраине городка Хот-спрингс открывался замечательный вид на озеро. Песочный пляж, водяные горки, зонтики от солнца, прибрежные кафе и аттракционы. Но никого из отдыхающих не было. Туристы разбежались. Беседующие военные этого не замечали, используя каждую минуту для обсуждения планов:

– Груз и академик – вот стопроцентный успех.

– Кто вам сказал про академика?

Шор понял, что допустил ошибку, которая может стоить ему жизни. Нужно кого-то подставить. Кого? Своего агента, который еще пригодится? Нет, эту идею он отмел сразу. Покойный генерал. Вот кто послужит громоотводом. С мертвых какой спрос?

– Пелео де Гримальди лично меня инструктировал, – интонационно фраза прозвучала вполне убедительно.

– Продолжайте, – удовлетворенный ответом начальник штаба внимательно слушал.

– Потеря одной из позиций – это пятидесятипроцентный успех. Нужно учитывать, что теперь о месте нахождения объекта знают и восточные. Они наверняка перехватили сигнал. В этом случае процент падает до нуля. Кто быстрее, вот как сейчас стоит вопрос.

Спутники вышли к силовому лифту.

– В таком случае поторопимся. Прошу, – Пиглз жестом пропустил вперед полковника. Шор Кан телепортировался первым.

Бирмингем, Атланта, Ричмонд, Вашингтон пролетели разноцветными площадками перемещения.

– Как я уже сказал, провал не допустим. Нужно изменить оперативную тактику. Что вы предлагаете, полковник?

Начальник штаба повернулся. Вид из окна его кабинета в здании ЦРУ был восхитителен. Буйный лес, который скрывался за горизонтом, представлял собой шевелящийся зеленый

ковер, подходивший прямо к зданию. Все дороги давно заросли. В середине массивного учреждения был лифт, готовый перенести служащих в любое место в радиусе тысячи километров.

– Нас не заметят, сэр. В сообщении передана частота опознавания. Мы подойдем как спасательные силы конвоя восточных. Я сам возглавлю операцию.

Информационная панель в кабинете сработала автоматически. Важные сообщения передавались в приоритетном режиме. Военные взглянули на экран. Диктор рассказывал о ситуации на востоке. Передавал один из международных каналов, возглавляемых Василиском Погостини. Тысячи китайских беженцев заполнили Таиланд и Вьетнам. Гонимые голодом они наводнили крупные города. Начались межэтнические стычки. Локальные бои гнали местное население в провинции. Мародерство и насилие процветали. Полицейские подразделения не справлялись. После объявления комендантского часа отключили лифты. Но у людей не было выбора. Беженцы шли пешком, разделившись на группы, и как саранча, сметали все на своем пути.

– Ситуация оборачивается в нашу пользу, полковник, – отметил начальник штаба. – Я командую вас наблюдателем от ООН в этот регион.

«Можно догадаться, через кого он это устроит», – про себя подумал Шор Кан.

– Дипломатический статус даст вам возможность телепортационного перемещения через Берингов пролив. Помните, что остров Гуам, хоть и покинутый, все еще считается нашей территорией. Поэтому появление в акватории нашей подводной лодки будет рассматриваться как простое патрулирование. Кстати, она сейчас у Филиппинских островов.

– Я считаю, – высказал свое мнение Шор Кан, – что захват нужно произвести, не выходя на поверхность океана. Уничтожить ходовую часть торпедами и высадить подводный десант. Тогда появление подлодки замечено не будет.

– Действуйте немедленно. Помните, счет идет на часы.

Начальник штаба Западного альянса подошел к лифту и исчез, считая разговор законченным. Он не хранил в кабинете документов, не держал сейфов и электронных устройств, хранящих секреты. Поэтому ушел, оставив свои апартаменты в распоряжение полковника.

Дипмиссия наблюдателя требовала согласования. Это давало время на детализацию предстоящей операции. Шор Кан сел за стол, вывел на экран карту. Аляска, Берингов пролив, Чукотский полуостров. Далее мелкими прыжками до Владивостока. Потом Шанхай, Тайвань, Филиппины. Это займет не более десяти минут. На преодоление водной части пути уйдет гораздо больше времени.

– Я не успею, – прошептал оперативник.

«А что если двумя торпедами? Одна, боевая, пойдет первой. Вторая, транспортная, с группой, но это дорога в одну сторону», – он почесал затылок, помассировал виски. Несколько напряженных суток полковник не спал. Хотелось отдохнуть.

«Вздремну в торпеде, а сейчас нужен план отхода. Предположим, штурм прошел удачно. И что? Болтаться на волнах до подхода восточного конвоя? Есть ведь еще подлодка. Ее надо подключить. После захвата нужно покинуть корабль, на каком-нибудь спасательном плавсредстве. Пока враг гоняется за разбитым кораблем, нас подберет подлодка. Если корабль не пойдет ко дну раньше времени. Если мы будем достаточно далеко от зоны поисков. Если нас вообще обнаружит подлодка. Слишком много если...»

Контрразведчик достал из кармана коробочку, размером с зажигалку, и приложил к руке. Она зажужжала, щелкнула. Шор Кан вздрогнул от неожиданного укола. Он знал, что за это придется расплачиваться укороченными годами жизни. Поэтому предварительно поставил регулятор допинга на минимум. В голове прояснилось. План показался не таким уж плохим.

На экране появилась симпатичная девушка-азиатка:

– Сэр, – обратилась она, – согласования посольской процедуры наблюдения при ООН закончены. Вы можете отправляться.

Шор Кан молча смотрел на экран, принтер прислал готовые документы: «А еще говорят, что средства связи давно не работают. Впрочем, я же в генеральном штабе. А откуда Пиглз узнал, что я до сих пор здесь?».

Оперативник огляделся. Камер нигде видно не было. Он заглянул под стол, порылся в ящиках, исследовал экран монитора.

– Никогда не знаешь, кто кукла, а кто кукловод, – пробасил оперативник в полголоса. – Вот жизнь.

Затем поспешно встал, пересек комнату и исчез у стойки лифта.

5

– Что есть жизнь? – спросил Эйс Горн.

Охотник помогал академику приваривать железную трубу к переборкам, укреплявшим корпус корабля.

– Жизнь? Это... – Денеул зажмурился, – восход солнца над тайгой. Ягоды, красными пуговками рассыпанные по мху. Голодный медведь, сбивающий лапой взрослого оленя. Это запах меда и свежесть молодой хвои. Да, чуть не забыл – любовь. Ну и так далее.

Инникса и Горн уже более пяти часов трудились в трюме, не выходя на палубу. Работа всегда спорится у двух хорошо понимающих друг друга людей. А они понимали друг друга. Несмотря на разницу в возрасте, образовании и положении, оба умели слушать, в то время как остальные нетерпеливо перебивали, да и вообще были глухи к собеседнику. Чтобы разнообразить монотонность монтажных работ, друзья вели философские беседы. Над океаном занимался рассвет. «Титан» шел быстро, мягко покачиваясь на волнах. Одна из стен самого большого трюма, где тренировался Инникса, постепенно превращалась в подобие огромных прямоугольных створок. Петель и замков не было, зато навесные кронштейны давали понять, что люки должны открываться вовнутрь. Работали они без помощников. У корабельных андронидов не было квалификации по монтажным работам.

– Ха! Скажите еще юноша, что жизнь есть любовь! – смеясь, академик оторвал кусок железного щита, почти отрезанного тепловым лучом.

– Не надо мыслить ортодоксальными религиозными штампами, молодой человек. Вот вы перечислили – восход, ягоды, хвоя. Это творения природы, всего-навсего. Ведь ягода не знает, что она ягода, правильно?

– А причем здесь религиозные догмы? – заинтересовался Инникса.

– Гора Голгофа, молодой человек, не знает, что она гора.

Денеул отворачивал гайку тяжелым ключом, поэтому его слова раздавались с кряхтением:

– А медведь?

– Всего-навсего проявление инстинкта.

– А любовь?

Ключ сорвался и гулко ударил в корпус.

– Любовь, – ученый сделал паузу, – инстинкт, как ни странно, только более сложная его форма. Со всеми особенностями, присущими человеку. Ассоциативные реакции, творческое мышление, химические процессы и так далее.

– Так что же, по-вашему, жизнь, а?

Эйс Горн выключил тепловую горелку и присел на краю груды железных ящиков, которые лежали посередине трюма и все еще были связаны сетью.

– Жизнь – это движение, Денеул. Причем в случае человечества – постоянное движение к познанию.

Охотник вытер тряпкой руки и присел рядом.

– А как же окружающий мир?

– Ты сам сказал – окружающий. А настоящая жизнь только у тебя в голове. Твоя жизнь, Денеул, она только в твоём знании, желании и стремлении. Запомни, ты – это целый мир. Вспомни, ягода и хвоя не знают, что они такое есть. О том, что гора называется Голгофа, знаешь только ты. Это твои ассоциации после прочитанного, увиденного и услышанного.

– Так жизнь, это познание? Хорошо. А для чего?

– Изучение законов окружающей природы и философское познание человеческой сущности приводит нас к понятию макроинстинкта. В случае сравнения с нашей эпохой и современным положением дел, это тяга к выживанию и сохранению вида.

Вытаращенные глаза охотника говорили ученому, что это очень сложные понятия для человека, привыкшего думать практическими категориями.

Академик поднялся:

– Хватит отдыхать. Я поставлю трубу, а ты залезай по лестнице икрепи шарниры на потолке.

Крепления нужно было фиксировать с помощью тяжелых винтов. Инникса медленно и с трудом поворачивал ключ.

– Так что конкретно вы предлагаете, сэр? – смотря в потолок, спросил Денеул.

– Я ожидал твоего вопроса.

Академик приподнял повыше трубу.

– Если ты согласился с моим утверждением, что жизнь, это познание, то...

– Предположим, – отозвался Инникса.

– То знание – это энергия. А энергия вечна. Даже ты знаешь, что она переходит из одного состояния в другое. Ее нельзя уничтожить, но можно уничтожить ее носителя.

– А проще нельзя? Как на практике сохранить знание?

– А для этого, молодой человек, нужно знать цель. На Земле перенаселение, и практически отсутствуют энергетические запасы. И если брать как ориентир выживание вида, то очевидным приоритетом становится увеличение ареала обитания. То есть мы приходим к идее необходимости галактической экспансии. Освоению новых, пригодных для жизни планет с последующей колонизацией. Кстати, подобный опыт у человечества уже есть. Если этого не сделать, то произойдет коллапс. Человечество само себя уничтожит или сократит до количества особей, способных выжить в определенном ареале.

– А как же знание?

– Знание в данном случае сохранится, но с отрицательным результатом. Оно перейдет в потенциальную величину.

Охотник спустился с лестницы:

– А как знание может уменьшиться?

Академик передал охотнику тубик, на котором была нарисована молния:

– Это нитропаста. Нужно намазать края люка. Давай, ты сверху, я снизу.

– Мы что, собираемся затопить корабль?

– Нет, я называю это аварийным выбросом. «Титан» не затонет. Герметичные переборки не дадут, – и промазывая нижние края, добавил, – не отвлекайся от темы.

– Так как же знание? – нанося тонкий слой пасты на стенку, продолжил разговор Инникса.

– Представь себе, ты пользуешься электрической лампочкой, гидравлическими накладками, силовыми лифтами. После коллапса ты их сможешь восстановить?

– Нет. Я не знаю, как они устроены.

– Вот, – увлеченно говорил ученый, – технологии, считай, уже потеряны. Представь, после войны за передел территорий мы с тобой выжили. Ты охотник, я ученый, поэт среди нас нет. Считай, что поэзию мы тоже потеряли. Но ты умеешь охотиться, я умею учить. Следующее поколение будет уметь читать и добывать пищу. А еще через поколение читать уметь уже не будут. Потому что это не нужно для выживания и сохранения вида.

Инникса и Горн дружно разматывали катушку с двужильным проводом, укрепляя его на стене с помощью моментального клея.

– Значит, – подвел итог Денеул, – после так называемого апокалипсиса человек станет первобытным уже ко второму поколению?

– Совершенно верно, – академик привинчивал оголенные провода к ящичку, прикрепленному рядом с входом в трюм, – поэтому единственным вариантом сохранения вида является освоение галактики и приумножение знания, а не сокращение его путем перевода в потенциальное состояние. А это достигается только путем космической экспансии.

В трюм вбежал вахтенный андроид. – Сэр, – обратился он к Горну, – капитан Трамп после отдыха не вышел на дежурство.

Чувство растерянности было чуждо академику. Выражение его лица, раскрасневшегося от работы и улыбающегося от приятной беседы, сделалось напряженным. Глаза прищурились, он отвернулся от вахтенного и застыл.

Денеул, никогда не попадавший в такую ситуацию, молчал. Секунды казались часами. Все ждали распоряжений.

Двое охранников по-прежнему патрулировали помещение трюма.

– Вахтенный и один из охраны, за мной, – скомандовал Горн, – Денеул, ты тоже.

– Вам, задраить переборку, – обратился он к остающемуся на посту второму андроиду. – Открывать только на такой стук. Тук-тук, тук, тук-тук – постучал по обшивке академик.

Уже на бегу ученый пробормотал:

– Старые приемы надежнее...

В коридоре второй палубы технического оснащения Гордон Корбо склонился над телом капитана.

При виде подбегающего академика лейтенант поднялся и доложил:

– Убит в затылок из игольчатого пистолета примерно пять часов назад. Тело только что заметил проходивший здесь ремонтник. Мало андроидов. Мы не можем контролировать весь корабль.

– Нас здесь трое из пяти, – заметил Эйз Горн. – Один убит. Вахтенный, – обратился он к андроиду, – возьмите охрану, прочешите корабль, найдите Меду Лейн. Вы, лейтенант, охраняйте мостик. Я с Денеулом в капитанскую каюту.

Дважды повторять не пришлось. В коридоре остался только труп.

Вид нараспашку раскрытого сейфа не на шутку обеспокоил Горна. В остальном незванный гость оставил в каюте капитана полный порядок.

– Вакуумный сейф армейского образца, устанавливаемый на кораблях и подлодках, – констатировал один из андроидов-охранников, – вскрыть его невозможно.

– Это уже не важно, – вслух, как бы сам себе, сказал академик. И продолжил, обращаясь к Инниксе:

– Ключи от радиорубки похищены.

Охотник с охранником исчезли за дверью каюты. Горн не спеша пошел их догонять. Он уже знал, что произошло.

Убийца даже не выключил передатчик в радиорубке. Да и зачем, дело сделано. Тумблер открытого диапазона возвещал о том, что местонахождение «Титана» известно всем.

«Пять или шесть часов. Нам не уйти. Но я хотя бы знаю, кто предатель», – голова у Эйза Горна работала четко и быстро. Он поднялся на капитанский мостик и вошел в рубку управления.

Инникса уже был там.

– Где Корбо? Я поручил ему охранять мостик.

Вахтенный, стоявший у штурвала, доложил:

– Сэр, лейтенант передал охрану мне, а сам возглавил поиски Меды.

– Мне надо с вами поговорить, пройдемте, – ученый раскрыл дверь, приглашая охотника на свежий воздух.

С мостика на верхней палубе просматривался весь корабль. Несмотря на раннее утро, было тепло. На небе не было видно ни одного облачка. Погода явно не соответствовала напряженной ситуации. Ассоциативные реакции Горна сработали моментально:

– Эх, сейчас бы два шезлонга на палубу и загорать с холодным коктейлем в руке.

Он посмотрел вдаль и, не поворачиваясь к охотнику, тихо сказал:

– Подойдите ближе, Денеул, и развернитесь по ходу корабля, вот так, как я.

Когда Инникса выполнил просьбу, академик произнес:

– Никто не знает, что мы делали в трюме. Кроме вахтенного, стоящего у нас за спиной.

– Я думал, Меды и Гордон... – с сомнением проговорил охотник.

– Не перебивай, времени в обрез. Игольчатые пистолеты только у меня, Меды и Гордона.

Меды пришла на корабль после начала прочесывания на «Объекте-44». Как ей удалось? Только что Гордон покинул пост. Зачем? Они служащие объекта. Все они подозреваемые. Кроме тебя. Не перебивай. Я знаю, я следил за контактами вне производственной зоны.

Эйз наклонился ближе к Денеулу:

– Поэтому про люк, смонтированный нами, никто не знает. Знал капитан, но, увы, он уже никому не расскажет. Ты должен сделать то, что я прошу. Открой его, когда придет время.

Денеул хоть и уважал академика, но выговорил фразу с видом очевидной обреченности:

– Да, конечно. А вахтенный? Он все видел.

Ему в руку скользнула рукоять пистолета.

– Его придется убрать первым, до того, как ты спустишься в трюм.

Они переглянулись.

– Пойми, это необходимо, – продолжал ученый. – За меня не бойся, я слишком ценен как для захватчиков, так и для спасителей. Но если то, что лежит в ящиках, попадет в руки тем или другим, то произойдет дисбаланс сил и приведет к катастрофе. Помнишь, мы разговаривали про жизнь?

Инникса кивнул.

– Так вот, энергия знания перейдет в потенциальную. Но они этого не знают, потому что каждый защищает себя и свой альянс.

Из рубки открылась дверь, и на мостик вышел вахтенный:

– Сэр, в зоне радара два объекта с нашими опознавательными знаками. Похоже, дальше нас будет сопровождать конвой.

Улыбка облегчения читалась в лице андроида.

Услышанная фраза еще не успела обрадовать, как удар страшной силы потряс «Титан» от носа до кормы. Судно приподнялось и шатнулось влево. Взрыв разнес ходовую часть вдребезги. Стоявших на мостике подбросило и взрывной волной швырнуло через перила. Натренированные мышцы не подвели охотника. В падении он зацепился руками за края мостика. Подтянуться и перемахнуть через ограждение ничего не стоило. Поглядев вниз, он увидел на палубе два распростертых тела. Запах горящего машинного масла уже мешал дыханию. Глаза начинали слезиться. Денеул взглядом оценил обстановку. Мачта упала на ходовую рубку. Разбитое оборудование, стекольная крошка и зловеще завывающая сирена – вот все что осталось от центра управления кораблем. Если бы они были внутри, их бы раздавило. Из-за дыма кормы не было видно. На волнах горело вытекающее топливо. «Титан» потерял ход. По свисающим мачтовым канатам Инникса соскользнул на палубу, подбежал к академику и приподнял его голову. Он был жив. Обе ноги сломаны. Только шок не отключал его сознания. Открыв глаза и увидев склонившегося охотника, ученый, задыхаясь, шептал:

– Скоро начнется захват. Действуй. Помни про вахтенного и течение.

Охотник посмотрел на лежавшее рядом тело андроида:

– Вахтенный мертв, сэр.

Про течение спрашивать было некогда.

– Давай, не медли.

Академик на глазах терял кровь, а с ней таяли его силы.

Опытный и закаленный в таежных походах Инникса перетянул кровоточащие ноги учебного поясным ремнем и скользнул в ближайший открытый люк. Он бежал по коридорам второй палубы, понимая, что на нижних палубах герметичные переборки задраились автоматически. Помещения и коридоры были пусты. Андроида выстраивались на верхней палубе для отражения атаки. Денеул постучал условным сигналом, переборка распахнулась. Ни слова не объясняя охраннику, он нажал на кнопку коробки прикрепленной рядом с входом. Электрический разряд сработал как детонатор. Нитропаста, искря и дымясь, прожгла насквозь обшивку борта. Под давлением шарнирные рычаги плавно открыли люк, пуская воду в трюм. Помещение быстро заполнялось. Ящики, удерживаемые на плаву пустыми бочками, вертелись в водовороте, приближаясь к выходу в открытый океан. Выпустив охранника, охотник задраил герметичную переборку со стороны коридора. Через иллюминатор на двери было видно, как груз покинул корабль. Андроида уже рядом не было. Инникса сначала удивился, а потом понял, что охранник выполнял команду боевого расписания, переданную ему по радару в шлеме.

Можно было немного отдышаться. Он присел в узком коридоре.

«Как, как я попал в эту передрыгу? Если бы я не пошел к кораблю, а пошел бы в другую сторону, все было бы нормально... Так а я и не к кораблю шел, а к своему катеру». Он еще некоторое время сокрушался по поводу превратностей судьбы, как неожиданная мысль пришла в голову.

«Стоп. Катер все еще в носовом трюме. Пора и о себе позаботиться». При всей своей мужественности и ловкости охотник не надеялся выжить в предстоящей бойне. Он быстро поднялся и бегом направился к носовому трюму.

Корабль сильно кренился на правый борт. Чернильным пятном расплывался мазут, вытекающий из пробоины в воду.

Повсюду на верхней палубе, укрывшись за строениями и ящиками, лежали, сидели, стояли охранники, ожидая нападения. Инникса бежал сквозь чадящий дым, придерживаясь за перила. Вот она, верхняя крышка носового трюма. Он нажал на рычаг управления. Крышка должна была отойти в сторону, но ничего не случилось.

«Питание на нуле», – сообразил охотник.

Взяв тяжелый багор, он резким движением сбил стабилизационный затвор и, упираясь обеими руками в крышку, начал двигать ее по рельсам. Тяжелые створки подались неохотно. Пот заливал глаза, пальцы сбивались в кровь, но солнечные лучи все больше и больше освещали трюм. Когда проем стал достаточных размеров, Инникса бросился к легкому крану, привинченному к палубе возле раскрытых створок. Он хоть и работал на электроприводе, но был намного легче. К тому же с помощью лебедки можно было поднимать грузы вручную. Повернув стрелу и опустив трос в проем, он по тому же тросу, обмотав предварительно руки курткой, чтобы ни ободрать, спустился к катеру. Вот оно, его спасение. Чувство слабой надежды зарделось в груди. Баки были заправлены на четверть. Собственно, после событий в Чумикане их никто и не наполнял. Одно крепление к носу, два по кормовым бортам – готово. По тонкому стальному тросу наверх не выбраться. Корабль был наполовину затоплен. Герметичные переборки открывать нельзя. Инникса заметил лестницу, приваренную к внутреннему борту. Он долго не размышлял. Поднявшись до потолка, ухватился за ребра жесткости и, как обезьяна, перебирая руками, дошел до открытых створок. Затем переворот, и он уже на палубе.

Разрывы гранат и перестрелка в середине «Титана» возвестили о начале захвата. Дыхание сбивалось, мускулы болели. Ручка лебедки крутилась с бешеной скоростью, лодка была не тяжелая, но ход подъема был катастрофически мал. Чтобы дать себе немного передохнуть, охотник подбежал к телу вахтенного андроида, упавшего с капитанского мостика, сорвал с его головы шлем и бросил на дно катера.

«Радар хоть и не большого радиуса действия, но это лучше, чем ничего».

И снова за лебедку. Вспомнив про раненого Эйза Горна, он огляделся, но ученого на палубе не было.

В это время безжалостная бойня достигла своего апогея. Обученные опытными офицерами и закаленные в боях десантные андроиды действовали как единый организм. Они не делали ошибок. Все выполнялось точно, с коварной быстротой и холодным расчетом. Небольшая группа из десяти десантников разбилась на пары. Сначала граната, за ней пара перепрыгивала через борт. Веревки и лестницы не нужны. Достаточно гидравлического костюма и ты уже на палубе. Прикрывая спины друг другу, с лазерными пушками наперевес, они резали смертоносными лучами любого, кто оказывал сопротивление. Преимущество в скорости давало возможность быстро зачищать зону. У охранников с тепловыми ружьями не было шансов. Все десантники были закрыты силовыми полями. К горящим масляным парам добавился запах запекшейся крови.

Корпус катера завис над палубой. Еще немного развернуть кран, снять предохранитель с лебедки и в воду. Топот кованых сапог раздался за спиной у охотника. Игольчатое ружье лежало на дне лодки рядом со шлемом. Инникса подпрыгнул и скрылся в катере, который предательски раскачивался, висая на тонком стальном тросе. Для того чтобы прицелиться и выстрелить, нужно хотя бы выглянуть и осмотреться. Опытный охотник знал, что сразу выдаст себя, как только его макушка покажется из-за борта катера. Палуба не пострадала, боя на ней не было. Поэтому единственный объект, привлекающий внимание, это раскачивающаяся на кране лодка. Только внезапная атака поможет избавиться от десантника. Дальше проще. Кран развернуть к воде и вниз.

Денеул проверил заряд, глубоко вздохнул и встал во весь рост, направляя ружье на стоящего к нему спиной врага. В то время как палец уже начал движение, плавно спуская курок, справа донесся свист. Кроме охотника и жертвы на палубе был кто-то еще. Не отводя оружия от цели, Инникса оглянулся. Этого было достаточно. Смертоносный тепловой разряд опалил его лицо и грудь. Удар был настолько силен, что охотника перебросило через борт катера в раскрытые створки трюма. Смертельное падение смягчили пластиковые коробки. Оглушенный и парализованный он не мог пошевелиться. Десантники не делали ошибок. Они шли парами, прикрывая друг друга.

В колодце был мрак и только далеко вверху сквозь квадратный проем лился свет. В голове шумело. Звуки отдавались многократным эхом. Слезы лились сами собой, превращая светлый квадрат в расплывчатое пятно.

– О-он еще жи-и-ив, – слышалось Инниксе.

«Вот так бы лежать и отдыхать, – подумалось ему. – Устал, я-я-я та-ак уста-а-ал», – эхом отдавало в ушах.

– Подними-и-ите-е ег-о-о наве-е-ерх, – послышалось издали.

«Оста-а-авьте меня, я уста-а-ал», – звенело в голове.

Он плыл во мрак, от палящего зноя к холоду. Из горящего жерла к прохладной пещере с капельками воды на камнях. Плыл, пока свет не померк окончательно.

– Сэр, я поражен, что вас так легко поймать. Кто это, позвольте узнать, так ловко вам оказал первую помощь?

Спеленатый по рукам и ногам, на носилках лежал академик Эйс Горн.

Полковник Шор Кан с видом триумфатора стоял в середине носовой палубы:

– Как видите, мы о вас позаботились.

К голове и рукам академика были прикреплены стимулирующие датчики, капельницы и диагностическое оборудование. На ноги наложены шины. Ученый не отвечал, игнорируя шуточный тон захватчика.

Пятеро десантных андроидов показались со стороны левого борта. У троих через плечи были перекинута тела. Подойдя к командиру, они сбросили их словно мешки. Капитан «Титана» Кейн Трамп, пораженный в затылок, лейтенант Гордон Корбо с пробитой насквозь грудной клеткой не представляли для захватчиков никакого интереса. Третьей оказалась связист Меда Лейн, избитая, грязная, связанная, но живая. Из открытого палубного трюма выскочил еще один десантник, на руках у него был Инникса. Именно выскочил. Гидравлический силовой костюм позволял проделывать подобные фокусы. Лицо и грудь охотника были черны. Тело его источало тошнотворный запах горелого мяса. Волос на голове не осталось. Лоб покрылся ожоговыми волдырями.

– Итак, все в сборе, – констатировал полковник.

– Лейтенант Барк, приведите в чувство вашего подопечного. Если это еще возможно, – обратился Шор Кан к десантнику, державшему Денеула. Тот положил бесчувственное тело на палубу, вынул шприц и сделал укол. Прошла минута, две. По всей видимости, инъекция не подействовала. Денеул лежал ничком без движения. Десантник выпрямился, ожидая дальнейших указаний. Вдруг он почувствовал, как небо и земля переворачиваются, сила тяжести ударяет его о стальной край люка и катит по накренившейся палубе в океан. А оживший полуголый, обгоревший человек бежит вслед за ним к правому борту. Страшный удар приклада в грудную клетку отбросил охотника назад.

С усиленными и ускоренными десантниками воевать бесполезно.

– Свяжите его, – приказал полковник.

Инниксу привязали к мачте крана.

– Он меня чуть не сделал, – поднимающийся андроид снял шлем и... оказался человеком. Не было характерного, темно синего цвета лица, как у боевых моделей, подбородок окаймляла аккуратная борода.

– Не ожидал, что ты пропустишь подсечку, Барк, – отвечал полковник.

– Он быстрый, Шор, очень быстрый.

– Но глупый, бежать ведь некуда.

«Барк, Шор, я запомню. Боль ушла, голова ясная. Инъекция, это ненадолго», – отметил про себя охотник.

Еще три андроида появились на палубе.

– Сэр, груз не обнаружен, мы обыскали весь корабль.

Потерь среди группы захвата, как видно, не было.

Довольное лицо Шор Кана исказила гримаса разочарования и злости.

– Сэр, – обратился он в свою очередь к академику, – мы могли бы еще раз прочесать судно, но, к сожалению, время поджимает. Поэтому я задам вопрос один единственный раз. Где груз?

Ученый по-прежнему не реагировал на вопросы. Он отвернулся, выказывая презрение к захватчику. У полковника сдавали нервы, нужно было форсировать события. Он подошел к привязанному охотнику и приставил к его лбу игольчатый пистолет.

– Жизнь – это самое дорогое? Так, кажется, вы говорили в эфире на весь мир? Вот сейчас и проверим ваши убеждения.

– Не трогайте его! – закричала Меда, поднимаясь с колен. Андроид схватил ее за плечи, не давая подняться.

– Не трогайте, он ничего не знает. Случайный попутчик.

Лейн опустила голову и, смотря в пол, продолжала:

– Таежный охотник, Собачья Шкура. К объекту не имеет никакого отношения. Бежал с нами после нападения.

– Не повезло, да? – приподнимая дулом пистолета подбородок охотника спросил Кан.

– И лодка у него какая-то первобытная. Горн, а как с дамочкой поступим?

Академик молчал. Полковник кивнул лейтенанту Барку. Тот вынул нож и начал разрезать комбинезон Меды, совершенно не заботясь, режет он материю или кожу. Глаза связанной Лейн казалось, выйдут из орбит. Сжатые в оскале зубы скрипели, но она молчала.

– Стойте, – не выдержав, остановил пытку ученый, – Не стоит добавлять жертв. Тем паче, что они будут бесполезны. Я сбросил груз в районе Марианских островов пять часов назад. Он сейчас лежит на дне одной из самых глубоких океанских впадин.

В порыве досады и ненависти Шор Кан схватил академика за грудки.

– Можете проверить, – в упор глядя в глаза полковника, продолжал Горн, – центральный грузовой трюм.

Не отпуская ученого, командир захватчиков хищно взглянул на лейтенанта.

– Вы двое, за мной, – скомандовал Барк и покинул носовую палубу в сопровождении двух десантников.

Корабль, превратившийся в груды искореженного металла, как скорлупка раскачивался на волнах.

Шор Кан отпустил академика и побежал к борту. Сквозь океанскую пену величественно поднималась подлодка. Она была так близко к корпусу корабля, что команда, появившаяся на ее стальной поверхности, забрасывала швартовые канаты прямо через борт.

– Принять концы, – скомандовал полковник, – приготовиться к эвакуации.

– Трюм затоплен, груза нет, выброшен через аварийную переборку, – доложил Барк.

Угрюмое лицо командира не предвещало ничего хорошего:

– Лейтенант, командуйте эвакуацией. Все на подлодку. Академика не забудьте. Вперед!

Марш!

Голос его сорвался на крик.

– Вон отсюда! Быстро!

Не прошло и минуты, как раздосадованный разведчик остался на палубе наедине с двумя пленниками.

Веревки больно стягивали запястья. Голова кружилась. Опаленные места нещадно болели. Обезболивающие средства заканчивали свое действие.

– Ну? Кто будет отвлекающим маневром, а? – спросил полковник у двух измученных людей. Меда все еще стояла на коленях связанная, но не сломленная. Она взглянула в глаза военного, улыбнулась и плюнула прямо в лицо. Ответный выстрел мгновенно оборвал ее жизнь. Из раны во лбу струилась кровь, глаза открыты, волосы веером рассыпались по палубе.

– Ты победил, Собачья Шкура, – злобно прошипел Шор Кан, вытирая лицо.

Денеулу оставалось только опустить голову: «Так со своими диверсантами не поступают. Мы все ошибались на счет Меды. А она-то защищала меня. Красивая, молодая, бойкая Меда. Прощай».

Инникусу трясло, боль обострилась, жар то отступал, то сжигал тело.

«Что со мной делают?» – охотник проваливался в темноту.

Ночь наполняла тайгу криком совы и уханьем филина. Острые когти медведя рвали грудь. Волчья стая вгрызалась в запястья.

Из забытья Денеула вывела чудовищная боль.

Шор Кан бросил охотника на дно катера, надел шлем и включил радар.

Военный разведчик превратился в палача, он прибавал руки и ноги Денеула прямо ко дну катера. Видимо веревок не оказалось под руками.

– Вот смотри! – кричал ему взбесившийся мучитель. – Таймер, тридцать минут и бочка с маслом. Спасательный конвой пойдет за твоим радаром на шлеме. Бах! И ниточка оборвется. А нас уже и след простыл.

Глаза палача сияли:

– Да, Собачья Шкура, я мастер ложного следа!

Это было последней каплей.

Боль взорвалась в мозгу выбросом адреналина. Кислота выела переживания последних часов, сжигая и закорачивая нервные окончания. Зверь вырвался на свободу, оглашая пустую палубу нечеловеческим криком:

– Убью-ю, всех вас убью-ю!!!

Человека-Инниксы не стало. Гнев и месть завладели его сознанием, заполнив рассудок и подавив остальные чувства.

На Шор Кана смотрело чудовище с искаженным лицом и горящими глазами.

Денеул мысленно потянулся к своему мучителю и ударил изо всех сил.

Полковник упал на корму катера. Окровавленное, обожженное тело перед ним извивалось в агонии.

Шокированный Кан завел мотор, выпрыгнул из лодки, развернул кран за борт, перебил выстрелом стальной трос и неподвижно застыл. Только удаляющийся шум мотора возвратил его к действительности.

«Телекинез, – подумал Шор Канн. – Этот варвар обладает способностью к телекинезу».

Столь дикого проявления ненависти он еще не встречал.

Холодные брызги вывели Денеула из забытия. Все тело превратилось в огненное кольцо боли. Мышцы не слушались, обожженные участки пульсировали в такт колотящемуся сердцу, тело агонизировало судорогами. Но охотник этого не замечал. Его бешеный взгляд был устремлен на циферблат таймера, отсчитывающего – 5, 4, 3, 2, 1...

6

Залп!

Раскаты зарядов закладывали уши. Фонтаны брызг и огненные кометы затмевали ночное небо. Разноцветные веерные вспышки и падающие дождем звездочки поражали воображение. И, о чудо! В небе появился самолет, один из последних представителей архаичного прошлого. В век телепортации авиация была не нужна, а в качестве носителей боевых зарядов выгоднее было использовать ракеты. Самый настоящий самолет, очень большой. Его винты надрывно ревели, из открывшегося люка сбрасывалась блестящая фольга золотого цвета. Подсвеченная лучами разноцветных прожекторов, фольга кружилась, создавая из броуновского движения причудливые узоры.

Генерал-майор Борис Лемман любил фейерверки и праздничные шествия. Но утром 9 мая проводили военный парад. Парады генерал не любил. Он считал, что армия должна воевать или нести боевое дежурство, а парады – это пустая трата времени и финансов. Поэтому пока днем по Красной площади Москвы проходили бесчисленные полки андроидов, боевых роботов, ракетниц, гаубиц, вереницы стратегических подразделений дальнего действия, он отсиживался в гостинице. Вторая мировая война превратилась в миф, в легенду, но традиция осталась. Даже третья мировая, полностью разрушившая архитектурный ансамбль Кремля, была почти забыта. Скоротечная по времени и стремительная в разрушении она мало кому запомнилась. В третьей войне не было место высокопарным речам, бравым атакам и подвигам. Бойня была коммерческая. Простой обмен ядерными ударами и все... То есть не совсем все. Сумели оправиться, отстроиться, заново поднять науку. Роботизация и создание андроидов позволили на какое-то время вздохнуть спокойно. Как быстро все закончилось. И вот на пороге новый кризис.

Генерал сидел в своем гостиничном номере и смотрел новости. Миллионы голодных китайцев оккупировали Вьетнам и Таиланд.

«А куда пойдут еще миллионы, на Восток и на Север?» – рассуждал Лемман, допивая кофе.

Но это было днем. А сейчас генерал-майор Борис Лемман, командующий стратегическими силами Восточного альянса, седовласый, но подтянутый, с длинным носом горбинкой и хищным взглядом стоял на мавзолее и смотрел салют. В Москве шел проливной дождь, но после восстановления Кремля весь архитектурный ансамбль и Красную площадь закрыли огромным прозрачным куполом из бронированного молекулярного стекла. Официальные мероприятия, на которых требовалось его присутствие, уже закончились, поэтому стратег мог наслаждаться зрелищем в одиночестве.

В середине площади стояла огромная сцена, залитая искусственным льдом. Живые, настоящие актеры представляли битву на Чудском озере. Навстречу немецким рыцарям шел Александр Невский, ведя свои войска в атаку. Шеренги столкнулись в страшном ударе. Шум ломающихся копий и звон мечей перекрыла скандирующая толпа тысяч зрителей. Вдруг лед пошел трещинами, лопнул и противники провалились в воду. Все ахнули. Площадь оглушили литавры симфонического оркестра. Над сражающимися актерами взмыл голографический облик Сергия Радонежского. Из его рук повалил пар, окутавший всю площадь. Запахло ладаном. Ратники Александра Невского поднялись и воспарили над водой, лед под ними восстановился. Когда пар рассеялся, перед пораженной публикой остались только воины Александра. Рыцарей поглотила вода.

– Сла-авься, слав-авься! – запел хор, состоящий из нескольких сот человек. Колокола храма Василия Блаженного ответили размеренным перезвоном. На лед вышли фигуристы в старинных костюмах и закружились в причудливом серпантине хоровода.

С балкона мавзолея все было отлично видно. Командующий стратегическими силами был доволен, что выбрался отдохнуть.

– Разрешите обратиться, господин генерал-майор? – обратился к нему караульный.

Красочность и масштабность зрелища несразу вернула Леммана к действительности.

– Что-что? – переспросил он, поворачиваясь.

– Адмирал Урманчев ожидает вас внизу, – по-военному коротко доложил охранник.

С сожалением оглядываясь на действие, происходившее на площади, генерал спустился по ступенькам во внутренние помещения мавзолея.

Адмирал Рамиль Урманчев, командующий восточным флотом торпедных и ракетных крейсеров, вытянулся по стойке смирно, приветствуя своего командира. Генерал подошел вплотную и взглянул ему в глаза. Тот молчал.

– Свободен, – отпустил Лемман охранника. Когда тот вышел, обратился к подчиненному. – Ну, моряк, не томи.

– Мы опоздали, – короткая фраза повисла в воздухе.

Лемман закрыл глаза и отвернулся. Контроль адреналина, сердце – раз, два, три, глубокий вдох, медленный выдох. Теперь открыть глаза и помолчать. Этот нехитрый прием ушу всегда помогал Лемману успокаиваться. Взору военного предстал Владимир Ленин. Вождь мирового пролетариата сидел за письменным столом и работал. Зеленое сукно, лампа в виде гриба, черный телефон, стопка газет «Искра», тетрадь и чернильный прибор. Владимир Ильич часто писал допоздна, создавая свою бессмертную лениниану.

«Интересно, что пишет?» – подумал Лемман.

В верхней части листа заглавными буквами было выведено: «Политическое завещание».

«Ах, да, сообразил, мы же в мавзолее. Аттракцион... С ума сойти можно» – напряжение немного спало, стук в висках постепенно прекратился, удивившая картина уводила сознание от неконтролируемого всплеска.

«Популярный аттракцион. Забальзамированное тело сохранить не удалось, поэтому в мавзолее клон. В Париже клон Наполеона сам рассказывает туристам о своих баталиях. В Александрии Македонский скачет на Буцефале. Самый популярный из них – Дракула в Бухаресте. Захоронение Влада Тепеша вскрыли. Теперь запрограммированный клон пугает туристов, сажает на кол врагов и пьет кровь младенцев. Как в стародавнее время. Время... О чем это я? Ах да, времени в обрез...»

Ленин прекратил писать, поднял голову и уставился на Леммана. Генерал вышел из забытия:

– Во-он! Во-он!, – заорал он, указывая перстом на дверь. Вбежали дежурные, подхватили под локотки ценный музейный экспонат и вывели вожда освежиться. Двери захлопнулись. На пол полетели газеты, телефон и недописанное политическое завещание Ильича.

Наконец, совладав с гневом, командующий обратился к подчиненному:

– Скоро нам всем придется... завещание писать. Потому что нация, которую мы защищаем, превратится из титульной в музейный экспонат.

Затем сделал паузу и посмотрел на морского офицера. Тот так и стоял по стойке смирно.

– Подробности, пожалуйста.

Адмирал не заставил себя ждать:

– Когда подошли, все было кончено. От корабля осталась только полузатопленная скорлупа. Из людей – трупы капитана и лейтенанта охраны. Академик, видимо, похищен. Что примечательно, в трюме обнаружен самодельный люк сброса. Эксперты утверждают, что находившийся груз был затоплен до штурма. В противном случае были бы видны следы транспортировки.

Докладчик замолчал.

– Продолжайте, – подогнал командир.

– Вот еще что. Потом пошли по сигналу радара и нашли моторную лодку, в ней было корабельное оборудование, дно в крови, но, никого не обнаружили. Эксперты взяли ее с собой. После исследования, может, что-то и прояснится. Возможно, кто-то спасся. Последняя надежда.

– Надежда? Это не надежда, – парировал генерал.

Урманчеев молчал, ожидая объяснений.

– Надежда не в океане плавает. Она на Марсе живет! – Лемман указал пальцем вверх.

– Простите, генерал-майор, не понял?

Командующий посмотрел на адмирала. Рамиль нравился ему. Это был грамотный и исполнительный офицер. Волевой и решительный Урманчеев не раз доказывал свое мужество и верность. Его ждала блестящая карьера военного флотоводца. Поэтому командир обратился к подчиненному не по уставу:

– Рамиль, вот за этим мы сейчас пойдем в мой центральный стратегический штаб. Нужно поднять дела об «Объекте-44».

Взглянув на разбросанные экспонаты музея, генерал-майор с грустью понял, что праздник испорчен окончательно и продолжения не будет.

Лифтовая установка находилась всего в ста пятидесяти метрах от мавзолея, прямо на Лобном месте. Памятник был выполнен из белого известняка в форме небольшой арены. В середине круга возвышалась силовая установка, не гармонирующая с историческим ансамблем, но ее не убрали, потому что было удобно. Многие по традиции бросали туда мелкие монетки, чтобы вернуться. Подошел к Лобному месту, бросил пятак и переместился. Военные сквозь толпу не спеша пробирались к лифту. Ординарцы и охрана спокойно шли за своими командирами. В другое время им положено было прокладывать курс, обеспечивая быстрое передвижение начальства, но 9 мая был праздничный день.

Уфа, Омск, Новосибирск, Иркутск встретили их предрассветным туманом и прохладой. Несколько тысяч километров и семь часов разницы никого не удивили. Это было обычным явлением.

– Сопровождение свободно. Ждите нас в штабе, – скомандовал генерал.

Когда они исчезли, он обратился к Урманчееву:

– Мы на Ольхон. Двигай.

Установка маломощного лифта острова Ольхон на Байкале оправдывала себя только за счет посещения туристов. В летний сезон небольшими группами они прибывали полюбоваться на первозданную природу Дальнего Востока. Но сейчас был не сезон, поэтому прибывшие офицеры оказались вдвоем. Лифт был небольшой и установлен прямо на Шаманском мысе – визитной карточке острова. «Все для удобства туристов» – гласила надпись под картой острова. Нарисованное краской изображение давно выцвело и облупилось на солнце. Но щит не убрали, считалось, что это придает исторический шарм. Адмирал залюбовался рассветом. Красное солнце поднималось над верхушками далеких деревьев золотыми лепестками, отражаясь в проливе, отделяющем остров от материка.

– Рамиль, не отвлекайтесь. Нам нужно вон туда, в лодочный домик.

Генерал, показывая пример, двинулся к маленькому деревянному строению на побережье. Обратив внимание на восхищенный взгляд Урманчеева, Лемман спросил:

– Нравится?

– Да. Я тут никогда не был.

– Я знаю, – затем, помолчав, продолжил, – а еще я знаю, что означает ваша фамилия.

– И что же? – заинтересовался офицер.

– «Лесник», с древнетатарского.

– А что же, в таком случае, означает ваша?

– Моя? «Землевладелец». Я еще много чего про вас знаю, адмирал.

Рамиль посмотрел в глаза генералу:

– Так значит я здесь не случайно?

– Нет, не случайно, – на хитром лице Леммана появилась ухмылка.

– Это из-за поискового провала?

– И да, и нет.

– Вы меня разжалуете?

– Нет, успокойтесь, я вас повышу в звании и дам вам дополнительные полномочия.

Удивлению Урманчеева не было предела. Генерал считал, что сказанного пока достаточно, а подчиненный не решался спрашивать.

Дверь в лодочный домик со скрипом отворилась. На ней даже не было замка. Взору Рамиля предстал небольшой катер с закрытой каютой. Он стоял на рельсах, уходящих в воду. Лемман легко перемахнул через борт, подошел к двери каюты и набрал на панели код. Дверь автоматически открылась.

«Герметичная и слишком толстая», – отметил Рамиль.

Усевшись поудобнее, командующий набрал на пульте управления какие-то цифры. Дверь закрылась, и катер двинулся по рельсам к воде.

Адмирал ожидал, что еще немного и катер, спущенный на воду, закачается в волнах. Но этого не произошло. Вода достигла бортов и начала заливать палубу. Иллюминаторы постепенно скрылись под водой, за ними была темнота. Горело только местное освещение каюты. Рельсы явно не хотели отпускать катер в свободное плавание. Было ощущение, что лодка превращается в батискаф и набирает скорость. Опытного адмирала не пугали морские глубины, а необычная ситуация подстегивала интерес и щекотала нервы.

Электронный счетчик отсчитывал – 100, 200, 300...

– Это метры? – спросил Урманчеев.

– Да, сейчас входим в пещеру, – Лемман показал на иллюминаторы. – Вход освещен, объект находится под островом.

Редкие огни вырвали из крошечной темноты куски породы и ряды силовых кабелей. Постепенно наружный свет начал пробиваться за стекла. Вода опускалась ниже и ниже. Датчики движения погасли.

– Конечная остановка, – генерал открыл дверь и вышел на корму лодки, оказавшейся подводным батискафом.

Взору адмирала предстал большой ангар с бассейном посередине, вырубленный прямо в каменной породе и освещенный слабым светом. Выглядело все угнетающе мрачно.

– Это ведь не штаб? Штаб, насколько я знаю, в Иркутске, – рассуждал вслух Урманчеев, – и даже не его филиал.

Жестом полковник пригласил пройти подчиненного дальше по коридору.

– Да, это не штаб. Этот объект – наша надежда и секретное информационное хранилище.

По мере продвижения коридор не собирался становиться светлее и современнее. Он был похож на штольню, только почему-то вдоль штольни по бокам были стальные двери с современной охранной сигнализацией.

– Понимаю, – продолжал генерал, – Вид непрезентабельный и вход сложный. Нашли эти лабиринты 300 лет назад. Они остались от древних горняков. Если бы здесь было развернуто современное строительство, объект потерял бы свою территориальную секретность. Потому что невозможно сделать объект современным без многочисленных поставок стройматериалов, оборудования, техники и так далее и далее. Конкуренты сразу узнали бы, где находится объект.

Лемман вошел в обширный зал. Сводчатый потолок терялся в темноте. Все пространство было разделено прозрачными стенками на лаборатории и кабинеты, расположенные в несколько ярусов.

– А здесь, посмотри, все компактно. И привести или увезти что-то отсюда можно только в батискафе, на котором мы прибыли. Большого объема лодки не требуется, потому что больших конструкций мы сюда не завозим. А теперь в мой кабинет.

Апартаменты командующего стратегическими силами находились на самом верху, под сводами пещеры. Но к разочарованию адмирала были на редкость аскетичны. Две комнаты – столовая и рабочий кабинет, соединенный с помещением помощника по информации. Командующего уже ждали. После доклада командира объекта и начальника безопасности генерал приказал принести материалы по «Объекту-44». Материалы представляли собой маленький кубик, который вставлялся в рабочий стол. На голографическом экране появились записи и фотографии.

– Рамиль, подсаживайся поближе, – пригласил Лемман.

Адмирал понял, что настало время доверительного разговора:

– Почему я? – спросил он.

– Да потому, что ты уже в деле. Послушай, не перебивая.

Рамиль кивнул, пододвигаясь ближе. Генерал продолжал, иллюстрируя рассказ картинками и документами на экране:

– «Объект-44» синтезировал стратегическое сырье. Топливо будущего. Мало того, академик Горн работал над экспериментальным межпланетным двигателем. Его-то он и вывез перед нападением. Его-то мы и потеряли. «Титан», корабль к которому ты не успел, превратился в скорлупу от ореха. Но из твоего доклада ясно, что груза там не было. Неизвестно, пошли ящики ко дну или дрейфуют где-то в океане. Кто похитил Эйза Горна – остается загадкой. Видимо конкурирующие ведомства других альянсов. Известно одно, секрет топлива и двигателя еще не известен другим. Иначе нас бы уже стерли с лица земли. Нация, не владеющая стратегическими разработками, никому не нужна. Но! Я бы не был стратегом, если бы не знал, как выбраться из этого положения.

– Как выбраться?

– А данные находятся в этом досье. На «Объекте-44» вместе с академиком Горном работал физик-теоретик профессор Даниэль Арамов. Он марсианин. Закончив расчеты и выполнив свою часть опытных разработок, он улетел домой. Вот кто нам поможет восстановить утраченные данные.

– А разве мы не будем искать академика?

– Рамиль, при всем моем уважении к нашему светиле науки, академик может быть уже трупом. А следствие может затянуться надолго, раз. Ни к чему не привезти, два. И в-третьих, мы упустим время.

Урманчиев задумался и вывел резюме:

– Марс не отпустит профессора. Нам нечего предложить им взамен кроме мифического будущего, которое сулят дублированные исследования.

Лемман улыбнулся:

– Ты забываешь, что я стратег. И не предложил бы этот вариант, если бы у меня не было, что предложить Марсу. Разумеется, следствие и операция по поиску и спасению академика будут идти параллельно, но главный приоритет – это возвращение к работе профессора Арамова.

– А что предложить-то можно?

– погоди, погоди, сейчас узнаешь, – генерал нажал на кнопку селектора. – Принесите нам чай и бутерброды, пожалуйста.

– Вы проголодались, генерал?

Стратег молчал.

Дежурный андроид поставил поднос на стол и удалился. Лемман разлил чай по чашкам и с видом триумфатора начал намазывать на хлеб черную икру. Адмирал последовал примеру командира. Проглотив первый кусок и отпив из чашки, он спросил:

– Мы собираемся завалить колонию Марс бутербродами?

На лице Леммана появилась хитрая улыбка:

– Нет, дорогой адмирал. Вы едите, как не странно, пищу будущего. Она называется «Омуль 109». А к баночке с этой икрой прилагается описание, почитайте.

На экране высветились инструкции. Арамов углубился в чтение.

«Омуль 109». Сто девятая модификация, созданная на основе байкальского омуля. Новый биологический вид.

Классификация – амфибия.

Среда обитания – водная и воздушная.

Климатические условия выживания – от +2 градусов C⁰ – до + 60 градусов C⁰ при 20% насыщенности кислородом окружающей среды.

Организмы потребления – любые биологические виды.

Вид размножения – икра.

Производимые продукты при промышленном разведении – мясо, масло, икра.

Ограничения – содержать в закрытых водоемах.

– Моментальное освоение любой территории, адмирал. Мы не можем выпустить этот вид в океаны. Потому что он вытеснит все остальные. А вот для Марса, где гибнет практически все привезенное нами – это спасение. Адмирал-а! Рамиль!

Лемман дернул Урманчиева за плечо. Тот вышел из задумчивости, и, держа в руках бутерброд, произнес:

– Никогда не думал, что буду вот так запросто держать в руках и есть живую бомбу.

– Вы сообразительный человек и грамотный офицер, Рамиль. Поэтому вы отправляетесь с посольской миссией на Марс. Верните нам профессора, адмирал, и нация обретет надежду.
– Через мрак космоса – к свету, генерал? – пошутил Рамиль.
– Нет. «Омуль 109» выведен здесь, под землей. Так что я бы сказал – из темноты пещер – к цивилизации...

7

– Темно-о, страшно-о, безнадежно-о-о...

Денеул бредил. Милостивый рассудок не выпускал его из забвения. На фоне черного провала ему мерещились расплывчатые очертания, похожие на людей. Мужчины, женщины, дети. Они кружились в замысловатом танце, их голоса отражались многократным эхом.

«Иди к на-а-ам», – звал женский голос. «Мы ждем тебя-я-я», – звали танцующие.

«Я не могу-у, я не знаю куда идти», – грезил Инникса.

Очертания людей обрели светлые контуры, частично разгоняя тьму, ритм танца участился. Глухие барабанные удары напоминали звук шаманского бубна. Инникса мысленно потянулся, представил, что пляшет вместе с ними.

«Еще немного-о, старайся-я», – звали тени, все приближаясь и приближаясь.

Вдруг красный свет застил ведение. Превратился в ком и свернулся, словно насаженный на вертел.

Горечь разорвалась пожаром и сотрясением. Распростертое тело свела судорога. Охотника спасли рефлексы. Боль и адреналин вернули его сознание в действительность. Мышцы сработали рефлекторно. Легкие горели. Он тонул. Дышать было невозможно. В горле булькала теплая жижа. Согнувшись и из последних сил пытаюсь выдохнуть, Денеул ударил себя кулаком в грудь. Моментального облегчения не произошло. В глазах заблестели светлые круги. Еще немного и он задохнется, но липкая патока медленно освобождала дыхательные пути. Теперь нужно сделать маленький спасительный вдох. В горле заклокотало. Огонь в легких утих. И тут же рвотный рефлекс освободил гортань и дал воздуху пополнить кровь кислородом. Сознание вернулось окончательно. Денеул в бессилии откинулся на спину. Зрение отсутствовало. Он потерял глаза, никакого эффекта. Размазал по лицу жидкость, которой его тошнило.

«Кровь? Да, это кровь. Я задыхался собственной кровью».

Лицо горело. Руки не слушались. Было холодно.

«Пить! Надо найти воду», – это была первая мысль, которая побудила его к осознанному действию.

«Где я?»

Денеул полз в крошечной темноте, натываясь на какие-то предметы. Инстинкт выживания гнал его вперед. Он понимал, что если останется на месте, то это навсегда. Рука нащупала ботинок. Дальше униформу.

«Это андроид. У него должна быть фляга!»

Руки отыскали заветный предмет, но отвинтить крышку не удалось. Ладони прошила нестерпимая боль. Обхватив флягу кулаками, Инникса зубами сорвал крышку. Вождеденная спасительная влага, словно нектар, наполняла организм жизнью, а с жизнью и надеждой. Надежда разгорелась в сознании ярким пламенем, питаемая жаждой мести. Он откинулся на спину. Через какой-то проем виднелись звезды. Была глубокая ночь.

Силы оставили охотника. Он впал в забвение и вскоре отключился в беспокойном и страшном сне. Он сражался с демонами. Сжигал их, крошил и рубил на куски. Даже во сне Денеул Инникса, Собачья Шкура, охотник, добряк уже никогда не станет прежним человеком.

На груди было что-то теплое, живое. Оно копошилось и подрагивало.

Открыть глаза было невозможно. Веки слиплись запекшейся кровью. Денеул потер их, глаза прослезились, слезы увлажнили кровавую корку, свет сквозь неясные очертания лился мягкий и равномерный. Он еще раз потер глаза, резкость пришла в норму, теперь можно было оглядеться. В глаза охотника в упор смотрела огромная крыса, сидевшая у него на груди. Он не испугался. Прогнать крысу просто. Нужно приподняться, тогда она соскользнет с тебя и убежит. Инникса приподнял голову. День сменил ночь. Он находился в трюме разбитого «Титана». Сквозь незакрытый верхний люк синело небо, покрытое редкими облаками. В середине были свалены различные ящики, вокруг разбросано оборудование, рядом лежало разрезанное лазером тело андроида. Инникса с трудом поднялся и тут же присел. Сильное головокружение сбивало равновесие. Переборка, ведущая в жилые помещения, была сорвана с петель. Гора ящиков напоминала муравейник, только вместо муравьев кишела корабельными крысами. Видимо они перебрались из затопленных помещений в носовой трюм.

«Нужно найти аптечку», – Инникса чувствовал, как распухло лицо, руки одеревенели, пальцы отказывались подчиняться. Шатаясь и опираясь предплечьем о стенки, он медленно пошел к каютам офицеров. Вот они уютные и покинутые. Дальше должна находиться санитарная часть.

«Проклятье! Дверь заперта. Придется начинать все заново».

Денеул развернулся и пошел к трюму.

«У андроида должно остаться тепловое ружье. Только не потерять сознание. Дышать глубоко. Идти медленно».

В глазах темнело, судорога тисками сжимала лодыжки. Рядом с телом андроида валялось ружье, оно было переломано надвое.

«Не повезло».

Думалось с трудом.

«Но не может же все время везти. Сначала ударили тепловым ружьем, а могли бы лазером, и валялся бы я, как этот андроид. Потом катер не взорвался или все же взорвался? А как я оказался на корабле? Затем фляга с водой. Везенье, называется. Аж, плакать хочется. И вот ружье...»

Думая, охотник разглядывал помещение трюма.

«Вот, нашел, баллон с газовой горелкой! Кто-то меня там, наверху любит!!!».

Но как поднять искореженными руками тяжелый баллон и донести его до санитарной части? Инникса перекинул крепежный ремень баллона через плечо и пополз по коридору. С каждым метром баллон становился тяжелее и тяжелее.

«Огонь. Чтобы воспламенить горелку, нужен огонь или искра. Я не курю. Знать бы, что понадобится зажигалка, закурил. Ха! Если следовать моей логике, то не сел бы на корабль – ничего бы не случилось. И вообще в Чумикан идти не надо было. Бред. Я брежу!». Мысли отвлекли от тяжелой работы. Спасительная дверь была по-прежнему заперта, хоть и баллон был рядом. Денеул прислонился к стене.

«Думай, думай. Тепловая винтовка разбита. Если в магазине остались тепловые патроны, то можно один детонировать. Как? Сначала открыть газовую горелку и положить на пол рядом с теплозарядом. Потом ударить, чем-нибудь тяжелым по капсулю. Не-ет. Самоубийство. Газ да теплозаряд, и вот из меня жареная куропатка получится. А мне надо жить, жи-ить! Поквитаться надо...» Инникса поплелся обратно в трюм. Осматривая разбросанный хлам, он рассуждал:

«Я думаю как охотник. Ружье, патроны и все... Нужно думать как моряк или как андроид. Андроид...»

Взгляд снова остановился на распростертом теле. Прибор силового щита, разрезанный лучом лазера, был прикреплен к груди.

«У него на спине должен быть блок питания».

Инникса перевернул останки. Аккумулятор был в полном порядке.

«Спасибо тебе, Гордон. Твои уроки не пропали даром. Правильно ты говорил: «Не ленись, это спасет тебе жизнь».

Открыв газовый вентиль, Денеул поднес к жалу горелки оголенные провода и закоротил их. От электрической искры вспыхнуло пламя, обугливая пол коридора.

«Ничего, будут ремонтировать, за это я заплачу».

Дверь подалась быстро и легко. Анализатор впился в вены, впрыскивая стимуляторы и обезболивающие препараты. В голове прояснилось, боль ушла, мыслить было удивительно легко. Радостное и приподнятое настроение нахлынуло вместе с жаждой деятельности.

«Я явно переборщил» – подумал Инникса. Он осмотрел руки. Сквозные раны на ладонях напомнили недавние события. Обработав и перевязав их, Денеулу захотелось умыться. Он подошел к раковине и взглянул в зеркало.

– А-а-а!

Крик «раненого зверя» огласил коридоры того, что раньше называлось кораблем.

На него смотрело черное, опаленное лицо, лишенное век, бровей и волос. Уши превратились в лохмотья, как будто их кто-то жевал. Носа не было вообще! Кровавый сгусток посередине уродливого подобия лица. Остались только глаза, смотрящие из заскорузлой корки. Моргающие веки закрывались, как хлопающие белые ставни на фоне сгоревшего дома. Инникса не испытывал жалости к себе, это чувство он утратил, когда его прибывали к катеру. Он был одержим, одержим мстостью.

После того как лицо было очищено от грязи, обработано антибиотиками и смазано заживляющим кремом, в зеркале появилось новое изображение. Денеул смотрел и думал, но не про свою новую внешность, а про то, как найти и покарать всех, кто сломал ему и его друзьям жизнь.

Первыми жертвами его плана, как ни странно, оказались крысы. Опытный охотник легко определил, что именно они обгрызли ему нос и уши, когда он оставался без сознания. Дальнейшее пребывание с прожорливой колонией грызунов в его планы не входило. Под жилыми помещениями находились носовые погреба боеприпасов. Там было достаточно напалма, чтобы превратить посудину в раскаленную грудку металла. Ют «Титана» был затоплен. Инникса достал четыре бочки и плотно задраил люки погребов. Его план состоял в последовательном выжигании помещений от шкафута до бака. Он собирался согнать крыс в носовой трюм и превратить его в крематорий.

Тщательно и последовательно машинное и котельное отделения, жилые помещения офицеров, кубрики личного состава промазывались напалмом, выжигались и задраивались. Когда сорванная переборка носового трюма была поставлена на место и приварена, «крысолов» поднялся на носовую палубу. Из открытого проема носового трюма слышался писк сотен крыс. Он сорвал запор с последней бочки и толкнул ее в трюм. Импровизированный факел – черенок лопаты, обернутый материей и пропитанный тем же напалмом, запылал от зажигалки, обнаруженной в одном из отделений кубрика. Охотник как опытный поджигатель отошел подальше и бросил факел. Через несколько секунд столб огня вырвался наружу, затем повалил черный дым, еще больше измазывая копотью капитанскую рубку. Теперь единственным живым существом на полузатонувшем корабле остался человек. Он мог свободно отдыхать и работать, где хотел и когда хотел, не опасаясь нападения стаи голодных грызунов.

После проделанной работы тело и одежда Денеула были измазаны копотью и залой. Но он не стал умываться, понимая, что пока действуют транквилизаторы, предстоит многое сделать. При поверхностном осмотре оказалось, что все электронные приборы в капитанской рубке разбиты, остались только карты, справочники и компас. Да и не смог бы охотник воспользоваться сложными корабельными компьютерами. Инникса не привык лениться, но если бы кто-нибудь ему сказал, что он будет изучать навигационные справочники, то от души бы посмеялся.

Будучи опытным проводником, Денеул знал – в критической ситуации нужно определить свое местоположение, задать направление и выбираться. Долготу примитивными способами в море не определить. Если на земле можно воткнуть палку и в течение дня отследить движение тени, определяя полдень, то на раскачивающейся посудине это сделать невозможно. А вот широту можно определить с помощью Полярной звезды, транспортира и отвеса. Только транспортира нет. Впрочем, есть! Вот он, нарисован в справочнике. Смекалка выручала бывалого таежника, он вырезал из картона копию транспортира и прикрепил к ней картинку из справочника. Отвесом послужил карандаш на веревочке. Теперь нужно дождаться темноты. Но до захода солнца еще далеко. Инникса пошел еще раз исследовать останки судна. При отсутствии воды и съестных припасов нужно было выбираться и, по возможности, скорее. Как и на чем – оставалось загадкой. Кроме выгоревших помещений и склада с бочками напалма ничего не сохранилось.

«Придется на бочке полететь, – горько усмехнулся Денеул. – А что я, собственно, делаю в прогоревших помещениях?»

На правой и левой палубах он увидел два сигарообразных, наглухо закрытых устройства, под острым углом направленных в океан. С первого взгляда было ясно, что это оружие. Но какое? Причем при более внимательном рассмотрении, никаких повреждений обнаружено не было.

«Нужно свериться с планом корабля».

В рубке на схеме «Титана» устройства были помечены как «торпедные аппараты». Инникса отыскал инструкции и углубился в изучение устройства торпеды и замысловатого пускового механизма. Ненависть пробудила его гений. Зачитав до дыр инструкцию, он открыл запорный люк, отвинтил взрыватель, вскрыл кожух аппарата и заблокировал механизм запуска двигателя. Из спецификаций следовало, что торпеда разгоняется до огромной скорости – девяносто километров в час – за считанные секунды. Если сделать плот и привязать к торпедой, то передвижение с такой скоростью окажется невозможным. Нужно снизить мощность. Но как? У торпеды два винта. Один – долой. Газовой горелкой Инникса отрезал две из четырех лопастей оставшегося гребного винта. Мощность понизилась вдвое, но все равно оставалось слишком большой. Если ограничить поступление воды к винту, мощность снизится еще. Он сварил железный ящик, проделал в нем дырки и приварил к корпусу торпеды. Таким образом винт оказался помещенным в коробку, испещренную мелкими отверстиями. Это должно было еще понизить мощность. Теперь плавсредство. Все, что легче воды сторело. Бочки! Денеул открыл носовой погреб и выкатил три бочки с напалмом.

«Напалм вылью за борт».

Связав пустые резервуары канатом от мачты, он критически осмотрел конструкцию. Строение скорее походило на поплавок, нежели на плот. Мысленно перебрав варианты, Инникса не стал ничего переделывать, только к бочкам привязал лопату от пожарного щита, как будто это весло. В спецификации значилось – дальность хода торпеды тридцать километров. Значит, путешествие будет не продолжительным. Да и его целесообразность будет зависеть от определения координат.

Солнце на горизонте садилось в воду, оставляя золотую дорожку, как всегда ведущую к каждому наблюдателю, любующемуся закатом. Только сумерки оторвали Денеула от конструкторских разработок. Он поднялся на мостик, взял транспортир и, усевшись поудобнее, посмотрел в небо. На еще синевато-золотистом небосклоне начали появляться самые яркие звезды, определяющие контуры созвездий. Большая Медведица, Малая, а вот и Полярная звезда. Ему вспомнились родные края. Как он по вечерам, сидя у костра, смотрел на звезды и слушал тишину тайги. Здесь Полярная располагалась намного ниже. Инникса прицелился в звезду основанием транспортира, словно ружьем. Теперь вычесь из полученного угла девяносто и получится примерно сорок пять. Сорок пять градусов восточной долготы. Он бросился в рубку к старым бумажным картам. И как они сохранились на судне, напичканном электроникой?

«Сорок пя-ять, – палец искал координаты. Не сорок пять, а сто сорок пять. Я на востоке. Долгота восточная». Вспомнился голос академика Горна: «Дорогой Трамп, мы в нейтральных водах, идем вдоль цепи заброшенных Марианских островов».

«Марианские острова! Я как раз нахожусь на долготе островов! И двигаться нужно на восток! Они где-то недалеко».

Денеул вспоминал дни, проведенные на корабле, и друзей по несчастью.

Связиста Меду. Как он был несправедлив к ней. Лейтенанта Гордона. Это его он должен благодарить за лекции по боевой экипировке. Академика Горна. Он и сейчас слышал его последние слова: «Скоро начнется захват. Действуй. Помни про вахтенного и течение».

«Стоп. Течение!».

Охотник вскочил и, перебирая карты, думал о том единственном слове, которое он в суматохе пропустил мимо ушей.

«Течение. Нужна карта морских течений», – пальцы с трудом перелистывали стопку. Обезболивающие средства, как и транквилизаторы, заканчивали свое действие. Усталость наваливалась все больше и больше. С каждой минутой тяжелели веки, движения давались с трудом, кости ломило немилосердно. Стемнело. Нужно было соорудить факел, но сил спуститься в трюм за еще одной бочкой с напалмом не было.

«Завтра, я сделаю все завтра», – подумал измученный Инникса. Легкое головокружение заставило его прилечь. Он завернулся в ковер, лежащий на полу, и перед тем, как закрыть глаза, посмотрел на звезды.

А на безоблачном ночном небе миллиарды светлых песчинок кружились в замысловатом танце, незаметном для глаз смертного. Танце, длинную в вечность.

8

Ярко-оранжевое зарево, поднимающееся из-за горизонта, постепенно затмевало звездный узор ночного неба. Легкий бриз играл шелковыми занавесками, скрывающими позолоченный орнамент, украшающий ложе под балдахин, стоящее прямо на берегу моря. Солнце постепенно из оранжевого становилось бело-желтым. Волны омывали прибрежный песок и пеной растворялись в нем. Проснулись чайки, наполняя своим криком окрестности и разгоняя утреннюю дрему.

Василиск Погостини любил просыпаться под шум прибора. В то время, когда ночь медленно сменяла день, ему казалось, что он пробуждается вместе с природой. Эти тихие рассветные часы придавали ему сил на целый день. Дрема затягивала и расслабляла, но нужно было подниматься. Будучи человеком внутренне организованным, не ленивым, а наоборот, очень занятым начальник информации и пропаганды резким движением встал. Двойной хлопок в ладоши – и сигнал управления изображением возвестил окончание утреннего режима пробуждения. Голографический пейзаж утренней береговой линии исчез, только постель и ночной столик остались от интерьера. Кроме любви к морю и рассвету больше всего на свете Василиск любил себя и свою жизнь. Поэтому он не мог себе позволить отдыхать на натуральном берегу моря, а экспонировал изображение прямо в пещеру, прорытую в горе, на которой стоял его замок. Спальня медиамагната представляла собой бункер, оборудованный нетрадиционными мерами безопасности. Входные двери отсутствовали. Небольшой бассейн соединялся подводным коридором с аквариумом, выходящим в апартаменты владельца. Таким образом, только проплыв под водой можно было заглянуть в спальню покои. Но и здесь было все не так просто. В аквариуме жила четырехтонная касатка, готовая попробовать на зуб любого, кроме хозяина. Василиск сам вырастил это животное. Он кормил касатку, играл с ней, искренне полагая, что это не охранник, и за деньги животное не предаст.

Водные процедуры неизменно доставляли Погостини минуты наслаждений. Выбравшись из аквариума и накинув халат, он вышел на террасу. Из замка, построенного еще франками,

открывалась великолепная панорама города. Василиск любил свой дом. Семь лет назад он купил полуразрушенное строение на горе посреди города Каламата в Греции, что на юго-западе Пелопоннеса, отреставрировал его, внес некоторые изменения. Хотя по законам Греции памятники старины и нельзя было покупать, Погостини оформил сделку, как реставрацию музея, и щедро финансировал традиционный ежегодный марафонский заплыв на тридцать километров от Каламаты до Корони, приняв в нем участие. Став, таким образом, почетным горожанином, он уговорил власти, передать ему замок-музей на время в личное пользование.

Любуясь красотами города и бухты, Погостини заметил приближающееся судно, небольшое, но в очень плохом состоянии. Краска на нем поблекла и облупилась, некоторые иллюминаторы разбиты, на корпусе виднелись вмятины. Больше всего его внимание привлекла пара, сходявшая по мосткам на причал. Мужчина средних лет, весьма потрепанного вида, катил перед собой инвалидную коляску, в которой находился старик в широкополой шляпе, надвинутой на глаза, и с пледом, прикрывавшем ноги.

– Первый, принесите мне бинокль, – не поворачиваясь к андроиду-секретарю, приказал хозяин. Андроид, с желтым лицом и в белой тоге, молча повиновался. Василиск не давал имен слугам-андроидам. Первый – это секретарь, второй – повар, третий – управляющий и так далее. Он был очень занятым человеком и не считал, что себя нужно обременять заучиванием имен слуг. Людей он не нанимал. Во-первых, андроиды дешевле. Во-вторых, не задают вопросов. В-третьих, поддаются психическому программированию, которое не запрещено в отношении андроидов. Скрывать чиновнику было что. Его доходы на службе ООН едва покрывали расходы на хобби. Погостини коллекционировал животных-мутантов, как земных, так и марсианских, и лунных особей. Его многочисленные приобретения были собраны в зоопарке, находившемся на территории замка. Он самозабвенно был привязан к своим подопечным и часами проводил с ними время. Настоящим бизнесом, который приносил Василиску огромный доход, была продажа информации и манипулирование ею. Благо, высокий пост, занимаемый им в ООН, располагал к этому.

Держась одной рукой за перила террасы, другой поднеся бинокль к глазам, хозяин роскошных апартаментов разглядывал приближающуюся пару. Хотя лицо мужчины, катившего кресло-каталку и скрывала борода, но черты показались знакомыми наблюдателю.

– Первый, передайте второму, завтрак на троих в гостиной, через час, – он отдал бинокль андроиду и добавил, – у нас гости. Да, и пусть охрана сканирует посетителей.

Чувство опасения, как всегда, вызывало беспокойство у чиновника.

Дорожка, засыпанная гравием и ведущая в гору, привела двух путников к деревянным воротам, обитым старинными коваными узорами. скрип открывающихся створок говорил, что их узнали или, по крайней мере, ждали. Человек с бородой в шортах и мятой рубашке защитного цвета усталой походкой вкатил кресло во двор. Хозяин сам вышел встречать гостей:

– Полковник, ваши появления как всегда неожиданны.

– Сэр, – сдержанно приветствовал Шор Кан.

– Я мало кого принимаю без предварительной договоренности, – Василиск посмотрел на сидящего старика в кресле-каталке, – но сегодня мне придется сделать для вас исключение. Прошу.

Жестом он пригласил полковника пройти в дом.

– Похоже, сэр, исключения для меня скоро войдут у вас в привычку.

Было заметно, что Шор изрядно устал, осунулся и нуждается в отдыхе. Старик в кресле не поддерживал разговор, на первый взгляд было похоже, что он дремлет.

Холл встретил уставших путешественников приятной прохладой и ароматным запахом завтрака.

– У академика сломаны обе ноги, поэтому он погружен в сон. Ему требуется медицинская помощь, а мне горячая ванна, – Шор Кан наконец мог расслабиться и тяжело упал в ближайшее кресло.

– Ну, разумеется, – хозяин щелкнул пальцами и в помещение вошли два врача–андроида и управляющий, – окажите помощь больному и, третий, прошу показать мистеру Кану ванную комнату.

– Я вас жду к завтраку, полковник. Не торопитесь. У меня до нашей встречи еще дела.

Погостини направился в рабочий кабинет, который в точности походил на его офис в штаб-квартире ООН, с одной единственной разницей – он был настоящий, именно с него снимали голографическую копию для офиса в Вашингтоне.

Присев за рабочий стол и превратившись из радушного хозяина в чиновника, он распорядился включить информационные панели. Только что полученная информация еще не была новостью, новостью будет то, что захочет начальник сбора информации. В каком виде, в каком объеме и в каком политическом аспекте будет обнародовано событие, требовало от чиновника внимательности, концентрации, сообразительности и оперативности.

«Из Южного Китая продолжается исход. Кровавая резня в Таиланде и Вьетнаме грозит перекинуться на другие регионы».

– Продолжаем давать в полном объеме, – продиктовал начальник пропаганды.

«Продолжается следствие о нападении на «Bacterium of light» (Бактерия света), Хотспрингс, Канзас. Западные обвиняют восточных в шпионаже».

– Даем только западным, бездоказательные обвинения ни к чему не приведут. Выяснить, чем занимается «Bacterium of light».

«Три дня назад совершено нападение на порт Обок, северо-восток Африки, государство Джибути. Потоплено несколько кораблей, стоящих в бухте. Остальные суда удалось вывести из-под обстрела. По официальной версии властей Джибути нападение совершено радикальным движением «Свобода». Следствие продолжается».

Погостини приостановил поток новостей и погрузился в раздумье, что-то подсчитывая в уме. Потом опять запустил информсообщения, диктуя в микрофон:

– Информацию дать только в Джибути.

«После долгого перерыва восточные восстанавливают дипломатические отношения с колонией Марс. Ракета с их представителем на борту вылетела с космодрома объединенных сил».

Василиск отличался хорошими аналитическими способностями и скоростью принятия решений. Собственно, другой на его месте не продержался бы и дня.

– Соедините меня с пресс-службой Кремля, – попросил он, нажав на кнопку визифона. Женское лицо руководителя пресс-службы появилось на экране.

– Миссис Крисла, есть ли какие-нибудь подробности, посвященные Марсу?

Ни приветствия, ни «как дела» в разговоре двух профессионалов были неуместны. Они понимали, что ограничены во времени. От краткости вопросов и точности ответов зависела скорость распространения новости и реакция зрителей целой планеты.

– Сэр, мы восстанавливаем дипломатические отношения, вот и все.

– А какие планы отношений? Экономические или политические?

– Успокойтесь, никакой политики, только экономическая помощь. Новость отдана вам. Можете распространить ее по всему миру.

Кремль отключился.

Погостини тут же соединился с Вашингтоном:

– Белый дом на связи, – ответил вице-президент.

– Сэр, восточные восстанавливают экономические отношения с колонией Марс. Я вынужден дать ее в эфир. Это официальная новость.

Вице-президент задумался.

– Не отключайтесь, Погостини, – сказал он и вышел за пределы видимости камеры.

– Нет, давать на Западный альянс категорически нельзя, – ответил через минуту представитель «Белого дома».

– А то подумают, что ресурсы восточных достаточны, для того чтобы не только себя содержать, но и помогать космическим колониям. В этом случае предпочтения нашего электората будут склоняться на сторону востока, что приведет к дестабилизации в регионах. Погостини, я как всегда буду благодарен, если новость будет просто о старте ракеты.

Визифон отключился.

«А за утро мой счет немного пополнился», – удовлетворенно подумал Василиск.

Стол был заполнен различными салатами, колбасами и сырами. В поданных горшочках дымилась тушеная говядина. Вареная кукуруза источала ароматный запах. Повар сам вывез столик на колесиках с морепродуктами, подогреваемыми снизу на медленном огне. Легкий греческий завтрак, обычно состоящий из йогурта, сладких бугаццу и кофе, был отменен.

Шор Канн, в одном из халатов хозяина дома, чистый и выбритый, набросился на предложенные яства.

Василиск, попивая сок и наблюдая, как гость насыщается пищей, как бы невзначай спросил:

– Полковник, а зачем вы напали на Обок?

Кан ел, будто не замечая вопроса, поглощая пищу с жадностью голодного волка, изрядно сдабривая яства столовым вином. Наконец, утолив голод, он вытер сальный подбородок и ответил:

– Отвлекающий маневр. Как бы я еще прошел по Суэцкому каналу? На подлодке – это невозможно, а вот в составе эвакуируемой флотилии рыболовецких траулеров, вполне. Да, и не называйте меня полковник.

– Почему?

– Потому, что я разжалован, уволен из разведки и военно-полевой трибунал приговорил меня к расстрелу, казнь приведена в исполнение.

Хозяин оживился, глаза Погостини заблестели, он прямо-таки заерзал в кресле. Шор Канн, прикурив сигару, продолжил:

– Последнее было бы правдой, если...

– Что, если? – переспросил Василиск.

– Если бы я появился в штабе контрразведки перед Янгом Пиглзом без академика и груза.

Жадно затянувшись сигарой, рассказчик откинулся на спинку стула:

– Оправдания никто бы ни принял. За провал приоритетной операции, санкционированной лигой государств континентальной Америки, положена смертная казнь, сэр. А так, на сегодня, груз утонул, местонахождение ученого и меня неизвестно. Команда, принимавшая участие в операции на подлодке, мчится к берегам Америки, не подозревая, куда пропали пленник и командир.

– Как вам удалось уйти?

– Очень просто!

Кан усмехнулся:

– Обыкновенное слово, «война»...

– Уже интересно, – усмехнулся Василиск.

– Война – это нападающий и объект нападения. В связи с этим возникают совершенно логичные процессы. Хаос – это разрушенная привычная жизнь. Страх и паника – это неконтролируемый выброс адреналина. И вот главное слово, возникающее после трех предыдущих, – неразбериха. Когда в порту Обок началась неразбериха, я под предлогом медицинской помощи

пленному Горну высаживаюсь на берег, избавляюсь от сопровождения, захватываю рыболовецкий траулер и напрямик через канал в – Средиземное море.

Шор Кан замолчал и стал наблюдать за реакцией чиновника.

Погостини сохранил непроницаемо строгий вид. Полковник еще не знал, как серьезно его собеседник относится к безопасности. Он встал и начал ходить вдоль больших стеклянных дверей, выходящих на террасу. Потом, посмотрев на залив, произнес:

– Траулер. Надо избавиться от корабля.

– Пустить его ко дну и дело с концом, – посоветовал Кан.

– Нет. Его видели. Такую старую каракатицу невозможно не запомнить. Я найду для судна хозяина и сделаю так, как будто он владеет им уже лет десять.

Полковник должным образом оценил ум и быстроту принимаемых решений Василиска. Он подошел к хозяину дома и, чокнувшись с ним бокалами, сделал ему комплимент:

– Вы неплохо играете в войну сэра.

– Да, – подхватил чиновник, – у меня следующим словом после слова «хаос», идет слово «порядок». А знаете, Шор, какое слово после всех нами перечисленных самое главное?

Шор Кан отметил, как быстро перестроился Погостини, обращаясь к нему по имени. О звании полковник, хозяин забыл моментально.

– Нет, не знаю.

– Прибыль! Запомните его, мой друг.

– Вы хотите сказать, что я ваша прибыль?

– Нет. Вы инструмент, а академик прибыль. Его ноги уже в гипсе. Он выведен из сна, умыт, накормлен и под надежной охраной. Прибыль нужно охранять. Пойдемте, посмотрим каков потенциал у нашего приобретения.

Собеседники подошли к двустворчатой двери.

9

Створки дверей стремительно раскрылись и громко ударились о стены. Перед взором генерала, командующего объединенным штабом лиги государств континентальной Америки, предстала молодая женщина. Мешковатая форма матроса-подводника не могла скрыть ее грациозную походку. Черные развивающиеся волосы, уверенный взгляд и резкие, отточенные движения сразу приковывали внимание. От неожиданности Янг Пиглз подскочил со стула, словно приветствовал главнокомандующего. Женщина подошла к столу и остановилась. Ее легкая улыбка вернула дар речи генералу:

– Как? Кто вы? Я не вызывал представителя флота лиги.

– Меда Лейн, генерал. Вы меня не знаете. Я офицер разведки из команды полковника Шор Кана. А форму я позаимствовала на небезызвестной вам подлодке.

– Как вы узнали код моего лифта в управлении разведки?

– Шор Кан назвал мне его.

– Где он сам?

Женщина огляделась, обнаружила кресло возле окна и села, загадочно посмотрев на Пиглза:

– Вот за этим я и пришла.

Ее многозначительная улыбка свидетельствовала о превосходстве в предстоящем разговоре. Генерал как опытный тактик сразу почувствовал это:

– Если вы из его команды, то вы и должны знать, где он.

Меда сверлила Пиглза глазами и молчала. Выдерживать паузу, дать выговориться противнику, заставить сделать ошибку – так учили ее в разведшколе.

И проверенная тактика сработала. Генерал решил первым выдать информацию:

– Матрос, – обратился он к Лейн.

– Не матрос, а капитан разведки, генерал, сэр, – перебила его Меда. – Извините, продолжайте.

– Итак, капитан, если полковник сейчас не в моем кабинете, а подлодка пришла назад, то я предполагаю, что он либо погиб, либо сбежал от ответственности за проваленную операцию.

Лейн продолжала сидеть с видом триумфатора. Пиглз закончил вопросом:

– Если это так, то почему вы здесь?

– Логичный вопрос, генерал, – капитан разведки поднялась с кресла, подошла к столу, присела на край, поискала что-то под крышкой и нажала на кнопку.

– Откуда вы знаете? – опешил штабист.

– Видеонаблюдение?

– Да.

– Шор Кан догадался. Он мне рассказал. Мы ведь с ним друзья, хорошие друзья.

– Но-о...

Меда не дала договорить Янгу Пиглзу:

– То, что я вам скажу, не должен знать никто. Иначе, я не смогу оказать услугу вам и лиге.

Присядьте, генерал.

Пиглз повинился. Лейн встала со стола, оперлась на него обеими руками и, в упор глядя на генерала, произнесла:

– Кто вам сказал, что операция в районе Марианских островов провалена?

– Это мое предположение в связи с исчезновением Шор Кана.

– Хорошо, – констатировала Меда, – значит, утечки информации нет! Раскроем карты.

Лейн по-военному развернулась на каблуках и подошла к стене, на которой висела карта.

– Я агент, внедренный на «Объект-44», бежала с грузом на «Титанике» и сообщила координаты корабля в нейтральных водах близ островов.

Командующий штаба контрразведки, казалось, был заворожен и слушал, как только слушают великих оперных исполнителей. Пальни кто-нибудь у него над ухом из пистолета, он даже не оглянулся бы.

– Мы захватили «Титан» и академика. Груз был сброшен в океан. Хитрым маневром, придуманным Шор Каном, ушли от преследования. Он убил меня у всех на глазах, так что никто не знает, что я жива.

Вопрос, застывший на лице генерала, заставил пояснить последнее:

– Полковник – мастер отвлекающего маневра, генерал, сэр. Я лежала с якобы продырявленным лбом, пока меня не отнесли на подлодку. Там вписали в реестр членов экипажа. Андроиды не задают вопросов, а боевые андроиды тем более. Ну, вы сами знаете...

– Продолжайте, – генерал поморгал глазами, как будто оторвался на секунду от очередной главы романа.

– Итак, мы дошли до Аденского залива, северо-восток Африки. Потом начались вещи, для меня непонятные. Кан, будучи командиром операции, расстреливает торпедами порт города Обок. Высаживается с небольшой командой и академиком для оказания последнему медпомощи и пропадает. То есть не только он пропадает, пропадают все высадившиеся. Капитан подлодки-андроид остается без командира и по протоколу идет в порт приписки.

Лейн замолчала. Пиглз взял со стола ручку и начал мерно постукивать ею по макету межконтинентального крейсера. Он анализировал информацию, а постукивание ручкой было чисто рефлекторным движением.

– Так значит, я оказался прав, – генерал откинулся на спинку кресла, – Шор Кан спасался от наказания после проваленной операции. Академик – это его разменная карта в будущей торговле с нашими конкурентами.

Почувствовав себя на высоте, он высокомерно обратился к капитану разведки:

– Банальная история с претензией на оригинальность, дорогая.

Меду этот поворот нисколько не смутил:

– Да. Только одно «но», дорогой генерал. Я знаю, где груз!

Пораженный Пиглз уже второй раз вскакивал с кресла:

– Попрошу подробности, капитан.

Инициатива опять была на стороне Лейн:

– Груз выбросили до захвата, но я его видела. К содержимому были привязаны пустые бочки–поплавки. Так что, он не утонул, как думал Шор Кан.

– Почему вы ему не рассказали?

– Если бы мы начали поиск груза, нас бы обнаружил конвой восточных. Не забывайте, это их груз и их ученый. Сохранение тайны, вот что главное. Нас бы распылили на атомы. Даже если бы я сказала, полковник все равно ушел бы из опасной зоны. А потом командир операции просто пропал.

Янг Пиглз нервно мерил шагами кабинет, закинув руки за спину, он шевелил губами, то закатывая глаза, то опуская их в пол:

– Если мы найдем груз, то ученый нам и не нужен. А почему вы не предприняли попытки найти груз после исчезновения полковника?

– У меня не было полномочий, генерал, сэр. Не забывайте, я числилась простым матросом.

Пиглз с подозрительностью посмотрел на Меду:

– Я уверен, вы здесь не только, чтобы сообщить мне о месте нахождения груза.

– Нет, генерал, я не собираюсь сообщать его местонахождение по одной простой причине: я сама доставлю вам груз.

– Что за причина, капитан?

Меда Лейн вплотную подошла к Янгу Пиглзу. Он понял, что сейчас она скажет, зачем пришла к нему.

– Карьера, генерал. Стремительная и быстрая карьера. Полковник сбежал с пленным ученым ради больших денег. Я же выбираю карьеру военного. Это единственная профессия в нашем мире, при которой деньги не зарабатываются, а тратятся. И при желании – отнимаются.

Меда все ближе подходила к Пиглзу.

– Сила и власть, генерал. А власть – это гарантия выживания в надвигающейся катастрофе.

Неожиданно она обхватила Пиглза руками за шею и поцеловала в губы. Страстный короткий поцелуй и стремительное отступление поразили Янга. Он забыл о субординации, о том, что находится в ЦРУ, голова немного кружилась. Давно он не испытывал таких ощущений:

– А ты, дорогая Меда, еще коварнее, чем Шор Кан, оказывается.

– Да, – отозвалась она. – Но главный мой козырь в том, что я по–прежнему одна знаю, где искать груз.

Пиглз вытянул руки и положил их на плечи Меды:

– Что ж, я могу закрыть на твое коварство глаза, ПОЛКОВНИК контрразведки Меда Лейн, мэм! Твоя стремительная карьера поразила меня прямо в сердце.

Опустив его руки со своих плеч и мягко отстранившись, Меда стала серьезной:

– Мне потребуется вертолет.

– Зачем?

– Только визуальное наблюдение с воздуха даст нужный результат. Если мы будем искать с помощью сонара, нас обнаружат.

– Ты не знаешь точно, где искать?

– Я знаю время и место сброса. А направление и скорость течения дадут координаты с точностью до десятка квадратных миль. Их и нужно прочесать с воздуха.

– Течение? – скептически спросил генерал.

– Дорогой, океаны это не реки, но и у них есть течения, у течений есть скорость и направление. Все данные находятся в штабе Военно–Морских Сил Лиги. Нам туда.

10

Карт было много, но большинство из них были разорванными, потрепанными и выцветшими. Это неудивительно, ведь бумажные карты были архаикой далекого прошлого. Но на разбитом корабле альтернативы не было. Течение было обозначено маленьким вектором и четырехзначным числом. Справочники по лоции и навигации показались Денеулу детской забавой по сравнению с чертежами торпедного аппарата. В два счета он нашел нужное обозначение. Расчет скорости и направления показал, что он все равно не достигнет островов на импровизированном катере в виде связанных бочек и торпеды вместо мотора. Но значительное приближение ему гарантировано. Надежда согревала душу. К тому же, отсутствие воды, питания и медикаментов не оставляло других вариантов.

«Нужно решаться. Каждый час, проведенный здесь – это час в океане. Час движения по течению. Эйз Горн, я иду. Если ты жив, я найду тебя. Мы еще покажем этим...»

Инникса вышел на мостик и огляделся. Несмотря на истощение, слабость и обезвоживание, его адреналин, как ураган, пронесся по артериям, затылок кольнули тысячи иголок, холодный комок сжался на уровне солнечного сплетения.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.